

НЕПОКОЛЕБИМАЯ ЕКАТЕРИНА

Так определил «отличительное качество» души императрицы австрийский фельдмаршал, принц Шарль Жорж де Линь, долгое время находившийся в ее окружении и в своих многотомных сочинениях, оставивший яркую зарисовку «Портрет Екатерины II». Слово «непоколебимая» забавляло ее, пишет де Линь, «она произносила его с расстановкою, целую четверть часа, и чтоб удлинить его еще, говорила: „Итак, я отличаюсь непоколебимостью“»¹. В предлагаемом вниманию читателя очерке автор попытается показать, насколько верно это определение, а также раскрыть наиболее существенные черты характера императрицы. Будет затронут и ряд неоднозначно решаемых в историографии вопросов времени правления Екатерины Второй, двухсотлетие со дня смерти которой исполнилось 6 ноября 1996 г.

* * *

Так называемый «золотой век» Екатерины II — один из интереснейших этапов российской истории — в последнее время оказался в фокусе внимания не только ученых, но и широкой прессы. Объяснений тому немало, но главное видится в том, что личность Екатерины II, ее идеи и деяния неразрывно связаны с эпохой преобразований, когда Россия в очередной раз становилась на путь европейского Просвещения. Если «век Петра был веком не света, а рассвета», много сделавшим «во внешнем, материальном отношении преимущественно», то в свершениях второй половины XVIII в., по определению С. М. Соловьева, «ясно видны признаки возмужалости народа, развития сознания, обращения от внешнего к внутреннему, обращения внимания на самих себя, на свое»². Суть происходивших перемен образно передал видный екатерининский вельможа И. И. Бецкий в словах, обращенных к императрице: «Петр Великий создал в России людей; Ваше Величество влагаете в них души»³. Другое отличие от петровских преобразований, особо отмечаемое рядом современников, было также не менее существенным: Екатерина II «кротко и спокойно закончила то, что Петр Великий принужден был учреждать насильственно»⁴. И в этом — одна из основ той стабильности общества, которая отличала царствование Екатерины II. Как писал Н. М. Карамзин, следствием очищения самодержавия от «примесов тиранства» были «спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума»⁵.

Между тем в течение семи последних десятилетий история России второй половины XVIII в., история царствования Екатерины II преподносилась предвзято, вольно или невольно искажался и образ императрицы. Со страниц сочинений незадачливых литераторов, да и ряда научных изысканий предстает эдакая тщеславная, недалекая немка «низкого происхождения», хитростью и коварством завладевшая российским престолом и более озабоченная удовлетворением своих чувственных потребностей. Впрочем, преобладающе негативные характеристики Екатерины II берут свое начало с давних времен. А. И. Рибопьер, касаясь литературы непосредственно послеекатерининской поры, писал, что «Екатерина, столь могущественная, столь любимая, столь восхваленная при жизни, была непростительно поругана по смерти. Дерзкие сочинения, ядовитые памфлеты распространяли на ее счет ложь и клевету»⁶. Даже Я. Л. Барсков, один из лучших знатоков екатерининской эпохи, ничтоже сумняшеся заявил, что «ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она

* Рахматуллин Морган Абдуллович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков»⁷. Та же нота есть и в известной пушкинской характеристике — «Тартюф в юбке и короне». Думается, что подобные суждения имеют все же в одних случаях больше эмоциональную, чем фактическую основу, а в других — сильно политизированный умысел и, как правило, исходят от недругов императрицы за рубежами страны, недовольных жестко проводимым ею внешнеполитическим курсом России, последовательным отстаиванием национальных интересов.

Свое объяснение того, что Екатерина II, как и многие другие выдающиеся исторические личности, не избежала участи посмертного поругания, дал и Н. М. Карамзин: «Следствия кончины ее заградили уста строгим судиям сей великой монархини: ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости, худое же — ее собственной виною»⁸.

Екатерина II еще при жизни по делам своим снискала эпитет «Великая». Разумеется, советская историография вплоть до последнего времени принижала эту оценку, и только в наши дни отчетливо заговорили о признании ее выдающейся роли в истории России⁹. Обращаясь ко времени правления Екатерины II, историки справедливо выделяют два момента: эпоха глазами современников и конкретные результаты ее деятельности, сказавшиеся и на последующем развитии страны.

По поводу первого ограничимся искренним восклицанием 35-летнего Карамзина: «И я жил под ее скипетром! И я был щастлив ее правлением!»¹⁰. В изданном шесть лет спустя после смерти Екатерины II «Похвальном слове» этот великий ее современник «один из самых внутренне свободных людей своей эпохи» и всегда писавший то, что думал¹¹, был честен и искренен. И в представленной Александру I в 1811 г. (и положенной царем под сукно аж на сто лет!) «Записке о древней и новой России» Карамзин, последовательно излагая свой взгляд на исторический путь страны, все так же восторгался блестящими успехами правления его бабки, но вместе с тем вызывающе смело для той поры отметил и «некоторые пятна»: «нравы более развратились в палатах и хижинах», «правосудие не цвело в сие время», «в самых государственных учреждениях видим более блеска, нежели основательности», «торговали правдою и чинами» и т. п. Осуждал он и «соблазнительный» фаворитизм. С понятной гордостью россиянина Карамзин пишет о том, что «у нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархиня», но он же с горечью отмечает отсутствие «хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни»¹².

Что касается успехов правления Екатерины, прежде всего особо подчеркнем главное: осуществленные почти во всех сферах жизни огромного государства преобразования (Екатерина II по праву считается самым удачливым российским реформатором) не несли в себе ни грана «революционного» начала и в своей основе в целом были направлены на всемерное укрепление абсолютистского государства, на дальнейшее упрочение господствующего положения дворянства, на законодательное закрепление неравноправного сословного деления общества, когда «правовой статус всех других сословий был подчинен интересам государства и сохранения господства дворянства»¹³. В. О. Ключевский имел все основания утверждать, что императрица «не трогала исторически сложившихся основ государственного строя»¹⁴, придерживаясь линии социального и политического консерватизма. Более того, как доказывает современный исследователь, реальный смысл реформ в России века «просвещенного абсолютизма» состоял в прочном утверждении «„законной монархии“, которая единственно способна реализовать общественные потребности „в блаженстве и благополучии каждого“»¹⁵. Истинное же содержание приведенной формулы заключено в известной екатерининской Жалованной грамоте дворянству 1785 г., которая удовлетворила, по сути,

практически все ранее выказываемые притязания этого сословия, поставив точку в длительном процессе законодательного оформления его прав и привилегий. Этот законодательный акт окончательно возвысил дворян над другими сословиями и слоями общества. Екатерининская эпоха поистине стала «золотым веком» для них, временем наивысшего торжества крепостничества.

Остановимся на этом ключевом для понимания сути внутренней политики императрицы вопросе чуть подробнее.

Хорошо известно, что политика Екатерины II в основном (и вечно актуальном) вопросе российской действительности — крестьянском — оставалась в целом традиционно неизменной: вопреки первоначальным заверениям императрицы о своей приверженности идеям просвещенного абсолютизма при ее правлении под крепостной гнет попали многие миллионы ранее свободных крестьян. Факт этот настолько разительно расходился с декларациями Екатерины II, что именно на него в первую очередь обратил внимание и А. С. Пушкин: «Екатерина уничтожила звание (справедливейшее название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции»¹⁶.

Историки давно уже (впрочем, с большей, чем позволяют факты, уверенностью) выделили основное противоречие екатерининского «века Просвещения»: императрица «хотела столько просвещения и такого света, чтобы не страшиться его „неминуемого следствия“»¹⁷. Но такая оценка вызывает естественные вопросы: а были ли соответствующие условия для уничтожения «рабства»? созрели ли они ко времени правления Екатерины II настолько, что необходимость радикального изменения социальных отношений осознавалась обществом?

Не затрагивая из-за недостатка места всех тонкостей вяло текущей в литературе последнего времени полемики по этим вопросам¹⁸, обратимся к авторитетному и почему-то не всегда учитываемому мнению С. М. Соловьева на этот счет. Подробно и обстоятельно изучив работу Комиссии об Уложении 1767 г., он четко уловил главное ее назначение: она была создана с целью «познакомиться с умоначертанием народа, чтобы испытать почву прежде, чем сеять, испробовать, что возможно, на что будет отклик и чего еще нельзя начинать»¹⁹. Это заключение полностью совпадает с мнением самой императрицы относительно задач Комиссии: «Мысль — созвать нотаблей была чудесная. Если удалось мое собрание депутатов, так это от того, что я сказала: „Слушайте, вот мои начала; выскажите, чем вы недовольны, где и что у вас болит? Давайте пособлять горю; у меня нет никакой предвзятой системы; я желаю одного общего блага: в нем полагаю мое собственное. Извольте же работать, составлять проекты; постарайтесь вникнуть в свои нужды“. И вот они принялись исследовать, собирать материалы, говорили, фантазировали, спорили; а ваша покорная услужница слушала, оставаясь очень равнодушной ко всему, что не относилось до общественной пользы и общественного блага»²⁰. Таким образом, созыв Комиссии имел для императрицы прежде всего интерес практический. И что же было ответом? «...От дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик: „Рабов!“». «Такое решение вопроса о крепостном состоянии выборными русской земли в половине прошлого-века, — подытоживает С. М. Соловьев, — происходило от неразвитости нравственной, политической и экономической. Владеть людьми, иметь рабов считалось высшим правом, считалось царственным положением, искупавшим всякие другие политические и общественные неудобства...». Для того чтобы основательно подорвать «представление о высокости права владеть рабами», как известно, понадобилось еще целое столетие. Тем самым для освобождения крепостных почва оказалась совершенно не подготовленной. Разочарованная и обескураженная, но прагматичная Екатерина вынуждена была «предоставить времени удобрение почвы посредством нравственно-политического развития народа»²¹. В результате, как она писала: «...я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины того, что написано мною было,

помарали <...> и я запретила на одного инако взирать, как единственно он есть (в напечатанном виде. — *М.Р.*) <...> правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон...» Но значение «Наказа» и в таком сильно «почерненном» виде было в том, что он «ввел единство в правила и в рассуждения не в пример более прежнего, и стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах»²². Об изначальной позиции императрицы по вопросу о крепостном праве (хотя она на сей счет и не сделала четко сформулированных публичных заявлений) можно судить с достаточной определенностью. Так, характеризуя степень «просвещенности» общества той поры, она в своих «Записках» однозначно заключает: «Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди <...> я думаю, мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства»²³. Вот еще одна выдержка из тех же «Записок», дающая более ясное представление и об отношении Екатерины к крепостному состоянию крестьян, и о ее заблуждениях насчет степени готовности общества поддержать ее начинания, направленные на изменение положения, как она писала, тех, «кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления»: «Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями; чего я только не выстрадала от такого безрассудного и жестокого общества, когда в Комиссии для составления нового Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценивала тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев <...> даже граф Александр Сергеевич Строганов, человек самый мягкий и в сущности самый гуманный, у которого доброта сердца граничит со слабостью <...> даже этот человек с негодованием и страстью защищал дело рабства...»²⁴.

Показательна в этой связи и необычно резкая реакция на екатерининский «Наказ» А. П. Сумарокова. В изложении С. М. Соловьева своеобразный диалог знаменитого писателя с императрицей передается так: «*Сумароков*: „Между крепостного и невольника разность: один привязан к земле, а другой — к помещику". *Екатерина*: „Как это сказать можно? Отверзите очи!" *Сумароков*: „Господин должен быть судья — это правда; но иное дело быть господином, а иное — тираном, а добрые господа — все судьи слугам своим; и отдать это лучшее на совесть господам, нежели на совесть слугам"». На это следует ехидное замечание Екатерины: «Бог знает, разве по чинам качества считать»²⁵. Наиболее близкий в ту пору к Екатерине Г. Орлов ушел от прямых аттестаций «Наказа» («цены не ставил моей работе», пишет она), но постоянно советовал показать его тому или иному лицу, чему активно противилась императрица. Самым же решительным и самым немногословным критиком «Наказа» оказался «первейший человек» Никита Панин: «Это аксиомы, способные разрушить стены»²⁶.

Что же приводило в ярость депутатов от дворян? Ну, хотя бы вот это отнюдь не декларативное положение «Наказа» о путях решения крестьянского вопроса: «Всякий человек имеет более попечения о своем собственном и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет»²⁷. Все эти свои размышления Екатерина впоследствии подытожила в двух четких фразах, содержание которых ей так и не удалось реализовать: «...чем больше над крестьянином притеснителей, тем хуже для него и для земледелия <...>. Великий двигатель земледелия — свобода и собственность». Мысли эти есть и в более поздних заметках — «Земледелие и финансы» (ее всегда волновали эти краеугольные основы благополучия государства). Видимо, отвечая своим многочисленным критикам, она утверждала, что, «когда каждый крестьянин будет уверен, что то, что принадлежит ему, не принадлежит другому, он будет улучшать это <...> лишь бы имели они свободу и собственность». Понимание этого пришло

к Екатерине не вдруг и не по чьему-то наущению. Так, в одной из ранних своих заметок она выделяет особой строкой чрезвычайно крамольное для России середины XVIII в. утверждение: «Рабство есть политическая ошибка, которая убивает соревнование, промышленность, искусства и науки, честь и благоденствие»²⁸.

Ну и что же, скажут иные, императрица, понимая все это, просто спасовала перед неожиданно возникшим препятствием и опустила руки. И будут отчасти правы. Но, во-первых, ей-то слишком хорошо было известно, как легко и быстро делаются в России дворцовые перевороты. Во-вторых (и это она, вероятно, осознавала), оптимальный курс и в политике, и в экономике всегда предполагает определенный уровень национального сознания, который и делает возможным его проведение в жизнь. Естественно, в жизненной ситуации той эпохи, «казанская помещица» не могла решиться рубить сук, на котором держалась самодержавная власть. Это говорит о реалистичности государственной политики Екатерины, сознательно отделившей ее от собственных радикальных взглядов и идей. Никому из исследователей еще не удалось аргументированно опровергнуть утверждение Екатерины о том, что писала она свой «Наказ», «последуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья, [и с желанием] довести империю до высшей степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно»²⁹. О корректировке первоначальных представлений императрицы о границах возможных преобразований говорит и записанное с ее слов изложение разговора с Дидро *, взявшего на себя роль советника по проведению необходимых, на его взгляд, реформ в России: «Я долго с ним беседовала, но более из любопытства, чем с пользою. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами <...> я ему откровенно сказала: „г. Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит: она гладкая, мягкая и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для

простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы»³⁰.

Как видим, решение «взрывчатой антиномии» «просвещение — рабство» отнюдь не зависело от желания или нежелания Екатерины II вести страну «к такой европеизации, которая... не касалась бы рабства, даже срачивалась с ним»³¹. В России тогда еще не созрели условия для ликвидации крепостнических отношений. Как-то по другому поводу Екатерина II мудро заметила: «...нередко недостаточно быть

просвещенным, иметь наилучшие намерения и власть для исполнения их»³². Небезынтересны на этот счет и доводы Екатерины Дашковой, приведенные ею в беседе с Дидро все о том же «рабстве наших крестьян»: «Если бы самодержец разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиками, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своєю кровью подписалась бы под этой мерой <...> Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления»³³.

Отметим созвучие высказанных Е. Дашковой мыслей суждениям Н. А. Бердяева, который в начале XX в. на первый план выдвигал все ту же задачу воспитания народа, роста сознания, просвещения и культуры в народной массе и так же считал, что свобода немислима без дисциплины, самоограничения и самообуздания: «Свободный человек тем и отличается от раба, что он умеет собой управ-

* Во время пребывания Дидро в России в 1773—1774 гг. по приглашению Екатерины II.

лять, в то время как раб умеет лишь покоряться или бунтовать». Отсюда его известная формула: «Бунт есть лишь обратная сторона рабства»³⁴.

Екатерининский «Наказ» в ходе его обсуждения в узком кругу приближенных к императрице вельмож во многом лишился своих либеральных начал. Так, статья 260 в своем окончательном виде провозглашала: «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных», что вполне отвечало основному смыслу приведенных Дашковой возражений Дидро. Известно и мнение Екатерины II о безболезненном для землевладельцев способе избавления от рабства с учетом услышанного ею всеобщего пожелания «*Рабов!*»: постановить, что «все крепостные будут объявлены свободными» при продаже имений, и вот через сто лет «народ свободен». Но, естественно, этого не могло произойти. В итоге Екатерина, зафиксировав, что «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пеших должно»³⁵, более и не пыталась возбуждать общественный интерес к вопросу о рабстве в России и испытывать судьбу. В дальнейшем намеченные императрицей цели в сфере государственного и общественного устройства, как можно судить по сохранившейся черновой записке, сводились к пяти основным пунктам и в целом не выходили за пределы традиционно декларируемых в «век Просвещения» установок, имеющих, пожалуй, и вневременную ценность:

«1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям»³⁶.

Четко были определены и средства воплощения плана в жизнь: «Спешить не нужно, но нужно трудиться без отдыха и всякий день стараться понемногу устранять препятствия по мере того, как они будут появляться; выслушивать всех терпеливо и дружелюбно, во всем выказывать чистосердечие и усердие к делу, заслужить всеобщее доверие справедливостью и непоколебимую твердость в применении правил, которые признаны необходимыми для восстановления порядка, спокойствия, личной безопасности и законного пользования собственностью; все споры и процессы передавать на рассмотрение судебных палат, оказывать покровительство всем угнетенным, не иметь ни злобы на врагов, ни пристрастия к друзьям. Если карманы пусты, то прямо так и говорить: „Я бы рад вам дать, но у меня нет ни гроша“. Если же есть деньги, то не мешая при случае быть щедрым»³⁷. Екатерина II была уверена, что при неукоснительном руководстве этими правилами успех будет обеспечен. В этой связи небезынтересно будет привести ответ императрицы на вопрос французского посла в России Л. Ф. Сегюра, как ей удастся так спокойно царствовать? «Средства к тому самые обыкновенные,— отвечала Екатерина.— Я установила себе правила и начертала план: по ним я действую, управляю и никогда не отступаю. Воля моя, раз выраженная, остается неизменною. Таким образом все определено, каждый день походит на предыдущий. Всякий знает, на что он может рассчитывать, и не тревожится по-пустому»³⁸.

Не вдаваясь в детали реализации этих масштабных планов и того, насколько последовательно ей удавалось придерживаться провозглашенных принципов действия, отметим лишь, что практические результаты царствования Екатерины II были впечатляющими уже к концу второго десятилетия пребывания ее на троне. Из записки руководителя Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко от 1781 г. следует, что за 19 лет царствования было «губерний, устроенных на новый лад» 29, городов построено 144, конвенций и трактатов заключено 30, побед одержано 78, «замечательных указов законодательных и учредительных» издано 88, указов «для всенародного облегчения» — 123, итого 492 дела!³⁹. К этому нужно прибавить, что «Екатерина отвоевала у Польши и Турции земли с населением до 7 млн. душ обоюго пола, так что число жителей ее империи с 19 млн. в 1762 г.

возросло к 1796 г. до 36 млн., армия со 162 тыс. человек усилена до 312 тыс., флот, в 1757 г. состоявший из 21 линейного корабля и 6 фрегатов, в 1790 г. считал в своем составе 67 линейных кораблей и 40 фрегатов, сумма государственных доходов с 16 млн. руб. поднялась до 69 млн., т. е. увеличилась более чем вчетверо, успехи промышленности выразились в умножении числа фабрик с 500 до 2 тыс., успехи внешней торговли балтийской — в увеличении ввоза и вывоза с 9 млн. до 44 млн. руб., черноморской, Екатериною и созданной, — с 390 тыс. в 1776 г. до 1900 тыс. руб. в 1796 г., рост внутреннего оборота обозначился выпуском монеты в 34 года царствования на 148 млн. руб., тогда как в 62 предшествующих года ее выпущено было только на 97 млн.»⁴⁰.

Стоит привести и собственные впечатления Екатерины о состоянии страны, сложившиеся после неожиданного для ее окружения сухопутного путешествия из Петербурга в Москву и обратно водным путем — по р. Мсте, оз. Ильмень, рекам Волхов и Нева в 1785 г.: «...в продолжении всего моего путешествия, около 1200 верст сухим путем и 600 верст по воде, я нашла удивительную перемену во всем крае, который частью видела прежде. Там, где были убогие деревни, мне представились прекрасные города, с кирпичными и каменными постройками; где не было и деревушек, там я встретила большие села, и вообще благосостояние и торговое движение, далеко превысившие мои ожидания. Мне говорят, что это последствие сделанных мною распоряжений, которые уже 10 лет как исполняются буквально: а я глядя на это, говорю „Очень рада!“»⁴¹. Слова императрицы подтверждает и Л. Ф. Сегюр, сопровождавший ее в этой поездке.

Жестко и последовательно проводившаяся Екатериной II экспансионистская политика «защиты» национальных интересов Российской империи была основой для формирования именно в годы ее правления имперского сознания общества, с годами настолько прочно вошедшего в дух и плоть сограждан, что даже А. С. Пушкин, лишь на одно поколение отстоявший от «золотого века» Екатерины, всерьез упрекал ее за то, что она не сделала всего, чтобы установить «настоящую границу между Турцией и Россией» по Дунаю, и, не задумываясь, очевидно, об этической стороне вопроса, риторически восклицал: «Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Фр[анцузской] рев[олюции], когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот»⁴².

На время правления Екатерины II пришлось и начало расцвета литературы, искусств и наук. Обо всем этом довольно много уже сказано и потому отметим лишь, что успехи эти были связаны с появлением на российском престоле такой незаурядной личности, способной уловить общеевропейские тенденции общественного развития, какой была Екатерина II. Однако при этом еще раз подчеркнем, что между теорией просвещенного абсолютизма, у истоков которой стояли Вольтер, Руссо и энциклопедисты, и попыткой Екатерины II реализовать ее на практике, была огромная обусловленная российской действительностью дистанция. С годами она увеличилась и по чисто политическим мотивам и в конечном счете привела к практическому отказу Екатерины от воплощения в жизнь идей Просвещения. Два решающих события встали на этом пути — восстание Пугачева и Французская революция. По справедливому замечанию историков, «просвещенный» либерализм императрицы не выдержал этого двойного испытания. Если еще в радужные 60-е годы XVIII в. и в самом начале следующего десятилетия императрица, не без оснований считая себя истинной последовательницей, ученицей европейских просветителей и всячески пропагандируя их учение, не уставала повторять, что «благо народа и справедливость неразлучны друг с другом», что «свобода, душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтоб повиновались законам, но не рабов...»⁴³, то летом 1790 г., под впечатлением происходивших во Франции революционных событий, она жестко отвергает право этого народа на свободу волеизъявления, на равенство сословий: «Что же касается до толпы и до ее мнения, то им нечего придавать большого значения»⁴⁴. Или: «Я хочу общей цели делать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества и не тирании, которые с нею несовместимы»⁴⁵. Подобные оценки

проявились еще во время восстания Пугачева, разрушавшего, на взгляд императрицы, создаваемое ею «государственное благоденствие». Как свидетельствует документальный материал, Екатерина II особо не опасалась притязаний самозванца на трон, но целиком разделяла мнение возглавлявшего правительственные войска генерал-аншефа А. И. Бибикова: «не Пугачев важен; важно общее негодование»⁴⁶. Отсюда ее пристрастное внимание ко всем деталям организации подавления «бунта».

* * *

*

Но каковы же были способы, рычаги достижения намеченных планов государственного строительства у «собирательницы русских земель», как называл Екатерину II С. М. Соловьев?⁴⁷ Они были довольно просты. Примечательно свидетельство, записанное Н. И. Гречем со слов статс-секретаря императрицы графа Н. П. Румянцева об одном из разговоров с ним Екатерины II: «Как ты думаешь, Николай Петрович, трудное ли дело управлять людьми? — Думаю, государыня, что труднее этого дела нет на свете.— И! Пустое,— возразила она,— для этого нужно наблюдать два, три правила, не больше.— Согласен, ваше величество, но эти правила составляют достояние и тайну великих и гениальных людей.— Нимало. Эти правила довольно известны. Хочешь ли, я сообщу их тебе? — Как не хотеть, ваше величество! — Слушай же: первое правило — делать так, чтоб люди думали, будто они сами именно хотят этого... — Довольно, государыня,— сказал тонкий царедворец,— если успею употребить это правило на деле, мне прочие уже не нужны». «И действительно,— заключает Греч,— Екатерина умела употребить это правило в совершенстве. Вся Россия уверена была, что императрица во всех своих делах только исполняет желание народа»⁴⁸.

Но секрет этой несложной, по сути, установки все же был. Он раскрывается из беседы В. С. Попова, правителя канцелярии князя Г. А. Потемкина, с императрицей: «Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ее повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которыми все старались ей угождать. „Это не так легко, как ты думаешь,— изволила она сказать.— Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностию, если бы не были удобны к исполнению; ты сам знаешь, с какою осмотрительностию, с какою осторожностию поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа, и по тому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уж наперед я уверена о общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие[м] то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты обманываешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне удобное. Напротив того, это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому *, сообразно с заслугами, с достоинствами, со склонностями и привычками и, поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели чтоб все тебе угодили. Напрасно будешь сего ожидать и будешь огорчаться, но я себе сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы все без изъятия по моему делалось. Может быть, сначала и трудно было себя к тому приучать, но теперь с удовольствием я чувствую, что, не имея прихотей, капризов и вспыльчивости, не могу я быть в тягость, и беседа моя всем нравится...»⁴⁹. И впрямь, как отмечал даже К. Массон, автор желчных, но в целом правдивых записок (и по этой причине запрещенных в России), «она царствовала над русскими менее деспотически, нежели над самой собой: никогда не видали ее ни взорвавшейся от гнева, ни погрузившейся в бездонную печаль, ни предавшейся непомерной радости.

* Как-то в шутку она попыталась предсказать, кто из ее придворных от чего умрет, о себе написала дважды: «Я — от услужливости», «Я умру от услужливости» («Записки». С. 662—663). И правда в этих словах о невероятной услужливости императрицы была, что отмечали многие современники.

Капризы, раздражение, мелочность совсем не имели места в ее характере и еще менее в ее действиях»⁵⁰.

Эти еще в молодости интуитивно обретенные мудрые установки Екатерина совершенствовала всю последующую жизнь. «Вот рассуждение или, вернее, заключение, которое я сделала, как только увидела, что твердо основалась в России, и которое я никогда не теряла из виду ни на минуту: 1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу. Я хотела бы выполнить все три пункта и, если это мне не удалось, то либо [желанные] предметы не были расположены к тому, чтоб это было, или же Провидению это не было угодно; ибо по истине я ничем не пренебрегала, чтобы этого достичь: угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать как следует, искренняя привязанность, все с моей стороны постоянно к тому было употребляемо с 1744 по 1761 г. Признаюсь, что, когда я теряла надежду на успех в первом пункте, я удваивала усилия, чтобы выполнить два последние; мне казалось, что не раз успевала я во втором, а *третий удался мне во всем своем объеме, без всякого ограничения каким-либо временем* и, следовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу»⁵¹. В этой же связи она писала о себе, что уже в детстве, усваивая уроки своих наставников, «упрямая головешка думала про себя: для того, чтобы быть чем-нибудь на сем свете, нужно иметь кое-какие необходимые качества; заглянем поглубже в душу, имеются ли у нас сии качества? Если нет, то нужно их развить»⁵². Этого решающего правила — «развить, если нет» — она, как следует из многих фактов ее жизни, придерживалась всегда.

Способы же обретения Екатериной «доверенности русских» в бытность ее еще великой княгиней были достаточно оригинальны и вполне отвечали умственному настрою и уровню просвещенности высшего света: «Приписывают это глубокому уму и долговому изучению моего положения. Совсем нет! Я этим обязана русским старушкам <...> И в торжественных собраниях и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала о их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы о их юных летах, о нынешней скуке, о ветренности молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу посылалась со всех сторон и разнеслась по всей России. Самым простым и невинным образом составила я себе громкую славу и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство»⁵³.

Серьезность и основательная продуманность Екатериной этих установок, изложенных ею в форме разговоров на завалинке, подтверждаются ее «Записками». С первого своего появления при дворе она «не переставала серьезно задумываться над ожидавшей меня судьбой. Я решила очень бережно относиться к доверию великого князя, чтобы он мог, по крайней мере, считать меня надежным для него человеком, которому он мог все говорить, без всяких для себя последствий. Это мне долго удавалось. Впрочем, я обходилась со всеми как могла лучше и прилагала старание приобретать дружбу или, по крайней мере, уменьшить недружелюбие тех, которых могла только заподозрить в недоброжелательном ко мне отношении; я не выказывала склонности ни к одной из сторон, ни во что не вмешивалась, имела всегда спокойный вид, была очень предупредительна, внимательна и вежлива со всеми и так как я от природы была очень весела, то замечала с удовольствием, что с каждым днем я все больше приобретала расположение общества, которое считало меня ребенком интересным и не лишенным ума. Я выказывала большое почтение матери, безграничную покорность императрице, отменное уважение великому князю и изыскивала со всем старанием средства приобрести расположение общества»⁵⁴. Когда же Екатерина поближе познакомилась с кипевшей страстями жизнью двора и борьбой различных «партий» вокруг всего и вся, когда она сносно овладела русской речью и стала лучше понимать

происходящее, когда еще никому и в голову не приходила мысль увидеть ее на троне, она уже четко продумала свое поведение в свете: «Я больше чем когда-либо старалась приобрести привязанность всех вообще, от мала до велика; я никем не пренебрегала со своей стороны и поставила себе за правило считать, что мне все нужно, и поступать сообразно с этим, чтобы снискать себе всеобщее благорасположение, в чем и успела»⁵⁵. Да еще как! Благодаря тонкой режиссуре переворот обошелся одной жертвой — смертью главного героя. Все явилось результатом верно избранной тактики, в связи с чем уместно будет привести два высказывания Екатерины: «Кто не смеет думать, смеет лишь пресмыкаться» и «Все от того зависит, чтобы в способах не ошибиться»⁵⁶. Она все очень и очень хорошо понимала и, что еще более существенно, делала верные выводы.

А для какой же цели, кроме достижения российского престола, Екатерина жестко определила себе «правило нравиться людям», с которыми ей «приходилось жить, усваивать их образ действий, их манеру». Эта цель, независимо ни от каких других приводящих обстоятельств, делает ей честь: «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили»⁵⁷. Как показало время, и в этом она преуспела. Тот же К. Массон замечает: «Я не решаю, была ли она действительно великой, но она была любимой»⁵⁸.

Поражают знание молодой великой княгиней психологии людей и упорство в достижении поставленной цели — качества, развитые ею в зрелые годы. Это подметил еще А. С. Пушкин: «Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, — писал он, — то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали»⁵⁹.

Твердость жизненных установок Екатерины II, неуклонное стремление к реализации своих решений — именно эти черты, вероятно, имел в виду Л. Ф. Сегюр, отмечая, что «она предписала себе неизменные правила для политической и правительственной деятельности»⁶⁰. Обогащенная, вернее, развращенная, опытом дворцовых интриг при дворе Елизаветы Петровны, 27-летняя Екатерина 30 августа 1756 г. в ответ на вопрос английского посла в России сэра Чарльза Герберта Уильямса (с которым она в ту пору состояла в особо доверительной переписке), знает ли она, что в критической ситуации Иван IV просил у английской королевы Елизаветы убежища, твердо пишет: «Я не попрошу убежища у короля, вашего государя, так как я решила, как вы знаете, погибнуть или царствовать»⁶¹.

Во всем этом, возможно, было и некое мистическое начало, вера в предназначение судьбы. По признанию самой Екатерины, впервые мысль о короне начала «бродить» в ее голове с 7-летнего возраста, когда друг и наперник ее отца, некий Больхаген, завел беседы с ней о необходимости воспитания в себе благоразумия и нравственных добродетелей, чтобы быть достойной носить корону. Эта мысль, видимо, еще более укрепилась после того, как проникательный старый каноник из Брауншвейга сказал матери Екатерины, что на челе ее дочери видит «по крайней мере три короны»⁶². Юная Екатерина настолько уверовала в это, что приехав в Россию и встретившись с 17-летним женихом, не по летам трезво расставляет все по своим местам: «...по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа». Чуть позже, когда из-за несколько легкомысленного поведения матери Екатерины при дворе Елизаветы их чуть было не отправили обратно «к себе домой», чему жених, как чутко уловила его суженая, был бы и рад, она философски замечает: «он был для меня почти безразличен, но не безразлична была для меня русская корона»⁶³. И спустя многие годы, в сентябре 1796 г., незадолго до своей кончины, как бы мысленно оглядывая свою жизнь, Екатерина II убежденно пишет: «„Царствовать или умереть“ — вот наш клич. Эти слова надо бы с самого начала выгравировать на нашем щите»⁶⁴. И это было не бравадой. Еще накануне свадьбы она с холодным спокойствием сознает: «...сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей»⁶⁵.

Но в 1756 г., когда она изложила свое жизненное кредо сэру Уильямсу, до июньского переворота 1762 г., воздвигшего ее на российский престол, было еще почти шесть лет. Екатерина не могла точно знать, как пойдут дальше события. Ей оставалось только не изменять своим понятием о счастье, а они у нее были весьма и весьма здравыми и прагматичными: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм: Качество и характер будут большей посылкой; Поведение — меньшей; Счастье или несчастье — заключением. Вот два разительных примера: Екатерина II, Петр III»⁶⁶.

Здесь Екатерина, по всей видимости, преднамеренно затрагивает самую болезненную для нее тему — свое вступление на престол, на который она не имела законных прав. «Построенный» ею силлогизм в какой-то мере призван оправдать нелегитимные действия «похитительницы престола», как ее называли зарубежные современники. В этом же ряду оправдательных мотивов — и позднейшее утверждение Екатерины, что у ее мужа «во всей империи ... не было более лютого врага, чем он сам»⁶⁷. В критических замечаниях на книгу аббата Денина, написанных ею в 1789 г., она вновь повторяет, что «Петр III не имел большего врага, чем он сам; все его действия доходили до предела безумия * <...> то, что обыкновенно возбуждает жалость у людей, приводило его в гнев <...> а когда он был в гневе, он придирался ко всему, что его окружало». 60-летняя императрица спустя почти три десятилетия после переворота с еще большей уверенностью пишет, что она своим «вступлением на престол спасла империю, себя самое и своего сына от безумца, почти бешеного, который стал бы несомненно таковым, если бы он пролил или увидел бы пролитой хоть каплю крови; в этом не сомневался в то время никто из знавших его, даже из наиболее ему преданных»⁶⁸.

Секретарь французского посольства в Петербурге Клод Рюльер, очевидец событий тех июньских дней, оставивший, пожалуй, наиболее содержательные записки о перевороте 28 июня 1762 г., причины его успеха видит не только в разительно отличавшихся чертах характера Петра III и Екатерины. По его мнению, такой исход был прежде всего предопределен тем, что «партия Екатерины» выступала против попрания национального достоинства России, тогда как Петр III, российский император, вызывающе открыто *заявлял* о стремлении стать вассалом обожаемого им прусского короля Фридриха II и сделал в этом направлении реальные шаги. В результате «русская нация <...> видела в своем государе союзника своему врагу». Заслуживает внимание характеристика, данная им Петру III: он был «жалок», у него отсутствовали какие-либо добрые дарования, он был просто глуп⁶⁹. Непосредственно после событий 1762 г. Екатерина пишет, что к такому исходу привел не ее «первостепенный ум», как полагали некоторые лица, а то, что «предстояло или погибнуть вместе с полоумным, или спастись с толпою, желавшею от него избавиться. Во всем этом не *было* других происков, как дурное поведение одного лица, которому при ином поведении никогда бы ничего не приключилось»⁷⁰.

В тех же причинах усматривал неизбежность переворота и его успеха и другой современник событий — А. Т. Болотов. Описывая «природного немца» Карла-Петра Ульриха, которого после его выходок и сама Елизавета Петровна в сердцах частенько называла «проклятым племянником»⁷¹, Болотов проявляет редкую наблюдательность и талант тонкого аналитика (выводы его позднее без ссылок на первоисточник перекочевали в труды историков). «По особливому несчастью

* Один только факт: на глазах до 100 мужчин и женщин высшего света, иностранных дипломатов по его приказанию были высечены его фавориты — обер-шталмейстер Нарышкин, генерал-лейтенант Мельгунов и тайный советник Волков (происходило это во время приема, дававшегося императрицей по случаю какого-то праздника).

случилось так,— пишет Болотов,— что помянутый принц, будучи от природы не слишком хорошего характера <...> как-то не любил россиян и приехал к ним уже властно (будто.— *М. Р.*) как со врожденною к ним ненавистью и презрением; и как был он неосторожен, что не мог того сокрыть от окружающих его, то самое же и сделало его с самого приезда уже неприятным для всех наших знатнейших вельмож, и он вперил (внушил.— *М. Р.*) в них к себе не столько любви, сколько страха и боязни. Все сие и неосторожное его поведение и произвело еще при жизни императрицы Елисаветы многих ему тайных недругов и недоброхотов, и в числе их находились и такие, которые старались уже отторгнуть его от самого назначенного ему наследства <...> Ко всему тому совокупилось еще и то, что каким-то образом случилось ему сдружиться по заочности с славившимся тогда в свете королем прусским и заразиться к нему непомерной уже любовью и не только почтением, но даже подобоострастием самым <...> А сия любовь, соединясь с расстройкою его нрава и вкоренившеюся глубоко в сердце его ненавистию к россиянам, произвела то, что он при всех случаях хулил и порочил то, что ни делала и не предпринимала императрица и ее министры». Здесь же А. Т. Болотов пишет о повсеместно бытовавшей тогда молве, что «государь вознамеревается ее (Екатерину.— *М. Р.*) совсем отринуть и постричь в монастырь, сына же своего лишить наследства»⁷². Такая угроза действительно существовала, и потому у Екатерины Алексеевны выбор был небогат и прост: либо трон, либо заточение в монастырь*.

К несомненным достоинствам вышеназванных записок К. Рюльера следует отнести то, что он не отбрасывал и непроверенные слухи и сообщения. Причем делал он это сознательно, в целях воссоздания последовательного хода взаимосвязанных событий, той реальной атмосферы, в которой они разворачивались. Его включенность в конкретную ситуацию, владение разнообразной информацией, полученной от весьма осведомленных лиц (и не только проекатерининской ориентации), позволили ему впервые поставить под сомнение непричастность Екатерины к скоропостижной смерти своего супруга: «Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменной веселостию»⁷³. Читатель сам может судить о степени основательности подозрений Рюльера после ознакомления с нижеприводимыми (Рюльеру не известными) письмами Алексея Орлова из Ропши, где под крепким, хотя и полупьяным караулом пребывал по многолетней привычке полупьяный же низложенный Петр III.

1. «Матушка Милостивая Государыня здравствовать вам мы все желаем нещетные годы. Мы теперь по отпуск сего письма и со всею камандою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила Ево нечаеная колика, и я опасен, штоб он севоднишнюю ночь не умер, а больше опасуюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того што он всио здоров говорит и нам его несколько весело, а другая опасность, што он дествително для нас всех опасен для тово што он иногда так отзывается хотя впрежнем состоянии быть...»

Ответа на это письмо, помеченное вторником, который в июле 1762 г. приходился на 2-е число, не последовало. Спустя два дня — новое шутовское письмо.

2. «Матушка наша, милостивая Государыня, не знаю, што теперь начать, боясь гнева от вашего величества, штоб вы чево на нас неистоваго подумать не |изволили и штоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси также [и закона нашего <...> он сам теперь так болен, што не думаю, штоб он дожил до

* Екатерина II в своих «Записках» уточняет: «Он хотел жениться на ней (Б. Воронцовой.— *М. Р.*) <...> он приказал князю Барятинскому, своему адъютанту <...> пойти арестовать императрицу в ее покоях. Барятинский, испуганный этим приказанием и не торопясь его исполнением, встретил <...> дядю импе[ратора] <...> этот последний побежал к императору и уговорил его отменить это приказание...» (Записки. С. 695—696).

вечера и почти совсем уже вбеспамятстве о чем уже и вся команда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорей с наших рук убрался...»

Как и на первое письмо, реакции нет. Третье и последнее письмо, поставившее точку во всей этой истории, было вручено Екатерине прискакавшим из Ропши нарочным в шесть часов вечера 6 июля.

3. «Матушка милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Федор Сергеевич Барятинский. — *М. Р.*); не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневали тебя и погубили души на век»⁷⁴.

Приведем здесь мнение А. И. Герцена на этот счет, высказанное им после прочтения «Записок» княгини Е. Р. Дашковой, в которых она, как представляется, намеренно обходя подробности смерти Петра III, подсознательно не соглашается с официальной версией причины ее — от «геморроидальных колик». А. И. Герцен пишет: «Весьма вероятно, что Екатерина не давала приказа убить Петра III... Мы знаем из Шекспира, как даются эти приказания — взглядом, намеком, молчанием. Зачем Екатерина поручила надзор за слабодушным Петром III злейшим врагам его? Пассек и Баскаков хотели его убить за несколько дней до 27 июня, будто она не знала этого? И зачем же убийцы были так нагло награждены?»⁷⁵.

Но при всем том вопрос остается открытым, ибо никаких прямых фактов причастности Екатерины к убийству мужа просто-напросто нет. Французский посланник Беранже был прав, когда по горячим следам трагических событий писал: «Я не подозреваю в этой принцессе такой ужасной души, чтобы думать, что она участвовала в смерти царя, но так как тайна самая глубокая будет, вероятно, всегда скрывать от общего сведения настоящего автора этого ужасного убийства, подозрение и гнусность останутся на императрице»⁷⁶.

Нелегитимность восшествия на трон Екатерины, как это ни парадоксально, имела и свои несомненные плюсы, особенно в первые десятилетия царствования, когда она «должна была тяжким трудом, великими услугами и пожертвованиями (...) искупать то, что цари законные имеют без труда <...> эта самая необходимость и была отчасти пружиной великих и блистательных дел ее»⁷⁷. И так считал не один Н. И. Греч (он в данном случае всего лишь констатировал мнение образованной части общества). В. О. Ключевский, говоря о программе деятельности Екатерины II, взявшей власть, а не получившей ее по закону, также отмечал неизбежную запутанность, сложность этой программы и главный упор делал на том же моменте: «Власть захваченная всегда имеет характер векселя, по которому ждут уплаты, а по настроению русского общества Екатерине предстояло оправдать разнообразные и несогласные ожидания»⁷⁸. Вексель, как показало время, был погашен в срок и сполна.

* * *

Но перейдем к главному сюжету — личность Екатерины II, особенности ее характера. И прежде всего коснемся ее внешности, о чем российскому читателю, не избалованному добротной научно-популярной исторической литературой, известно немного. Сама Екатерина писала о себе так: «Говоря по правде, я

никогда не считала себя очень красивой, но я нравилась — и, думаю, что это-то и было моей силой»⁷⁹. То же она повторила и в письме к М. Гримму *: «Поверьте мне, красота — вещь совсем не лишняя; я ее всегда очень и очень ценила и, хотя сама никогда не была очень красива, но всегда поклоняюсь красоте»⁸⁰. В «Записках» же своих она более подробно пишет, что была «одарена <...> внешностью по меньшей мере очень интересною, которая без помощи искусственных средств и прикрас нравилась с первого же взгляда»⁸¹. Когда ей исполнилось восемнадцать, и придворные дамы из ее окружения все чаще стали говорить, что она со дня на день хорошеет, и Екатерина, «дольше прежнего» вглядываясь в бесстрастное зеркало, не без самолюбования признает: «...я была высока ростом и очень хорошо сложена; следовало быть немного полнее: я была довольно худа <...> волосы мои были великолепного каштанового цвета, очень густые и хорошо лежали <...> шведский посланник находил меня очень красивой...»⁸². Среди свидетельств современников одно из первых описаний внешности императрицы принадлежит счастливому любовнику великой княгини Екатерины Алексеевны, будущему польскому королю С. А. Понятовскому. Он был восхищен 25-летней Екатериной и восторженно писал об «ослепительной белизне» ее кожи, об «идеальных» руках и ногах, стройной талии, чрезвычайно легкой и благородной походке. Он же отметил и веселый ее характер (она легко переходила от самых безумных шалостей до таблиц цифр), и то что физический труд никогда не пугал ее⁸³.

А вот как описал ее К. Рюльер: «Приятный и благородный пан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд,- все возвещало в ней великий характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, черные брови и таковые же прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляет отличную черту ее физиономии». Он же отмечает «замечательную в ней приятность и доброту», «очаровательную речь»⁸⁴. Но, пожалуй, наиболее достоверный словесный портрет Екатерины II оставил английский посол в России лорд Бёкингхэмшир. В ноябре 1762 г. своей лондонской приятельнице он писал: «Наружность императрицы сильно расположила бы вас в ее пользу, но еще более понравилось бы вам ее обращение. Ее манера отличается мягкостью и достоинством, что внушает ее собеседнику чувство непринужденности и вместе с тем уважение». В заметках же для себя это впечатление он передает более развернуто: «Ее императорское величество ни мала, ни высока ростом; вид у нее величественный, и в ней чувствуется смешение достоинства и непринужденности, с первого же раза вызывающее в людях уважение к ней и дающее им чувствовать себя с нею свободно. От природы способная ко всякому умственному и физическому совершенству, она, вследствие вынужденно замкнутой ранее жизни, имела досуг развить свои дарования в большей степени, чем обыкновенно выпадает на долю государям, и приобрела умение не

* Фридрих Мельхиор Гримм, немец, с 25-летнего возраста жил в Париже. Был представлен Екатерине в сентябре 1773 г. Заочно хорошо ей известный по некоторым его публикациям и близости к энциклопедистам, Гримм при очной встрече произвел на императрицу самое благоприятное впечатление, и между ними сразу же сложились душевные отношения, основа которых — почти полное взаимопонимание и доверие. Более того, Гримм умел предугадать и развить ее мысли и, как признавалась Екатерина, «я никому, никогда так не писала, как вам» (Письма. С. 31). Или: «Я читаю и перечитываю ваши писания и говорю: „Как он меня понимает? Боже, он почти один и понимает меня как следует“». И именно потому, что она давала в письмах к нему «полную волю руке, перу и голове» (Там же. С. 46), они заслуживают большого доверия.

Столь доверительные отношения между ними сохранялись вплоть до самой смерти Екатерины, что хорошо прослеживается по содержанию, тональности, настрою писем. Можно уверенно говорить, что у Екатерины II от Гримма не было больших секретов. Анализ (к сожалению, неполный) переписки еще в конце прошлого века дал акад. Я. К. Грот (Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1884). Переписка, на его взгляд, «изумительна» по обширности, откровенности, богатству содержания, шутливо-непринужденному духу, за которым скрывались глубина и основательность суждений, прогнозов, предположений (см. также: Брикнер А. Г. Переписка Екатерины II с бароном Гриммом // Отголоски (Журнал литературно-научно-политический). СПб., 1881. № 2. С. 249—276).

только пленять людей в веселом обществе, но и находит удовольствие в более серьезных делах. Период стеснений, длившийся для нее несколько лет, и душевное волнение с постоянным напряжением, которым она подвергалась со времени своего вступления на престол, лишили свежести ее очаровательную внешность. Впрочем, она никогда не была красавицей. Черты ее лица далеко не так тонки и правильны, чтобы могли составить то, что считается истинной красотой; но прекрасный цвет лица, живые и умные глаза, приятно очерченный рот и роскошные, блестящие каштановые волосы создают, в общем, такую наружность, к которой очень немного лет тому назад мужчина не мог бы отнестись равнодушно, если только он не был бы человеком предубежденным или бесчувственным. Она была, да и теперь остается тем, что часто нравится и привязывает к себе более, чем красота. Сложена она чрезвычайно хорошо; шея и руки замечательно красивы, и все члены сформированы так изящно, что к ней одинаково подходит как женский, так и мужской костюм. Глаза у нее голубые и живость их смягчена томностью зора, в котором много чувствительности, но нет вялости <...> Трудно поверить, как искусно ездит она верхом, правя лошадьми — и даже горячими лошадьми — с ловкостью и смелостью грума. Она превосходно танцует, изящно исполняя серьезные и легкие танцы. По-французски она выражается с изяществом, и меня уверяют, что и по-русски она говорит так же правильно, как и на родном ей немецком языке, причем обладает и критическим знанием обоих языков. Говорит она свободно и рассуждает точно»⁸⁵.

Приведем и портретную зарисовку 50-летней Екатерины, принадлежащую перу одного из самых приятных ей собеседников — принца де Линя: «Ее внешность известна по портретам и описаниям, почти всегда довольно верным. Шестнадцать лет назад (автор писал это в 1796 г.— *М. Р.*) она была еще очень хороша. Было видно, что она была скорее мила, чем красива: глаза и приятная улыбка уменьшали ее большой лоб, но этот лоб был все! <...> в нем сказывался гений, справедливость, точность, смелость, глубина, ровность, нежность, спокойствие и твердость; ширина лба свидетельствовала о развитии памяти и воображения <...> Ее подбородок, несколько острый, не выдавался вперед, не откидывался назад и имел благородную форму. Вследствие этого овал ее лица не вырисовывался ясно, но должен был весьма нравиться, так как прямота и веселость сказывались на устах»⁸⁶. Выработанная Екатериной II привычка высоко держать голову, ее природная горделивая осанка в сочетании с неотразимым обаянием делали ее поистине царственной, она даже казалась выше ростом, чем была. Английскому врачу Томасу Димделю, приглашенному в 1768 г. в Россию для прививки оспы императрице и наследнику Павлу, более всего импонировало то, что в ней было «много грации и величия»⁸⁷. То же отмечал и французский волонтер, герой взятия Очакова граф Р. Дама: «Всякий, кто приближался к ней, был, без сомнения, поражен, как и я, ее достоинством, благородством ее осанки и приятностью ее ласкового взгляда, она умела с первого начала одновременно внушать почтение и ободрять, внушать благоволение и отгонять смущение»⁸⁸. По словам графа Сегюра, она была «рождена для трона»⁸⁹. Но время победило красоту, но не величавость. Как писал К. Массон, несмотря на все усилия «казаться молодой и здоровой», Екатерина II «к концу своей жизни сделалась почти безобразно толстой: ее ноги, всегда опухшие и часто открытые, были совершенно, как бревна, по сравнению с той ножкой, которую некогда восхищались». Для нее стало «тяжким трудом» не только «всходить и спускаться по лестнице дворца», но и одеваться для приемов. Правда, несколькими страницами ниже он же пишет следующее: «В 67 лет Екатерина еще сохранила остатки красоты. Ее волосы были всегда убраны с античной простотой и особенным вкусом: никогда корона лучше не венчала головы, чем ее голову. Она была среднего роста, но толстовата и всякая другая женщина ее телосложения не могла бы держаться так пристойно и грациозно»⁹⁰. Отметим лишь, что еще в январе и сентябре 1789 г., будучи в бодром и здоровом

© 1997 г. М.А. РАХМАТУЛЛИНⁱ
НЕПОКОЛЕБИМАЯ ЕКАТЕРИНА

Каким бы умом и талантами ни была наделена Екатерина II, без знающих и инициативных помощников, верных сподвижников государственное строительство в годы ее правления едва ли могло быть столь успешным. Она понимала это и подбору корпуса высших чинов придавала особое значение. Вот имена лишь некоторых из назначенных ею на ответственные посты, кто оставил заметный след в истории России: государственные деятели и дипломаты А.А. Безбородко, И.И. Бецкий, А.И. Бибиков, А.Р. Воронцов А.А. Вяземский, Д.М. Голицын, братья Г.Г. и А.Г. Орловы, Н.И. Панин, Г.А. Потемкин, К.Г. Разумовский, Н.И. Салтыков; блестящие военачальники Н.В. Репнин и П. А. Румянцев, А.В. Суворов, знаменитые флотоводцы Г.А. Спиридов и Ф.Ф. Ушаков.

При этом, пожалуй, в дело подбора кадров она не привнесла ничего существенно нового а лишь последовательно руководствовалась правилами и опытом Петра Великого, которого она почти боготворила ("в присутствии императрицы нельзя было говорить ничего дурного о Петре I", - замечает де Линьⁱⁱ). Как любой абсолютный монарх, она считала, что эффективное царствование зависит не от системы правления, а в первую очередь от управителей. Екатерина была убеждена в том, что "во всякой стране всегда есть люди нужные для дел, и как все на свете держится людьми, то люди могут и управиться"ⁱⁱⁱ. Что касается реальной ситуации в России, она писала: "Про нас постоянно твердят, что у нас неурожай на людей; однако несмотря на это, дело делается. У Петра I были такие люди, которые и грамоты не знали, а все-таки дело шло вперед. Стало быть, неурожая на людей не бывает, их всегда многое множество; нужно только их заставить делать что нужно, и как скоро есть такой двигатель, все пойдет прекрасно".

Она ничуть не сомневалась, что "в замечательных людях никогда не бывает недостатка так как люди зависят от обстоятельств, а обстоятельства зависят от людей. Мне никогда не приходилось отыскивать людей; но у меня всегда под рукой находились люди, которые мне служили и всегда служили хорошо. Кроме того, я по временам люблю новых людей: работа идет хорошо, когда они работают вместе и рядом с прежними". В этом она видела немалый залог успеха действий властных структур. Она удивительно верно и целенаправленно использовала находившихся "под рукой" людей. Как писал де Линь, "она знала себя и умела ценить других", и при выборе нужных людей она руководствовалась "собственным их испытанием и назначала каждого на подобающее ему место"^{iv}. В своей кадровой политике Екатерина была последовательна: "О, как жестоко ошибаются, воображая, будто чье-либо достоинство страшит меня. Напротив, я бы желала, чтоб вокруг меня были только герои, и я всячески старалась внушить героизм всем, в ком замечала к тому малейшую способность"^v. В этом принципиально важном вопросе Екатерина II была тверда и нередко шла наперекор общественному мнению при выборе должностных лиц: "...я люблю, когда достойному достается место по заслуге; ибо, Бог свидетель, мы, люди темные, не питаем ни малейшего сочувствия к дуракам на высоких местах, а таких куда как много на белом свете и, мне сдается, будто их все прибавляется"^{vi}.

В дневниковых записях Храповицкого читаем: «На прошение генерал-поручика Бороздина о принятии на службу сказано: "Мне дураков не надобно"»^{vii}. Особенно раздражала ее глупость действий чиновников. Как писала она, "глупость есть хроническая болезнь, против которой не устояла даже Франция, и знаете ли отчего? Оттого, что глупость заставляет делать именно то, чего не следует делать". В поисках эффективных мер борьбы против этого недуга Екатерина приходит в конце концов к неутешительному выводу - "лекарства от глупости еще не найдено. Рассудок и здравый смысл не то что оспа: привить нельзя"^{viii}. В подборе нужных людей императрица не ограничивалась одним только ей ведомым методом отбора, она умела и власть употребить, часто цитируя при этом полюбившиеся ей русские народные поговорки: "Кот из дому, мыши расплясались по столам и стульям, кот домой, и мыши попрятались в норы". "Часто надо только ногой топнуть и все придет в порядок"^{ix}. Но в жизни не все было так просто, и совладать с разгильдяйством российским во все времена было затруднительно, ибо когда "кошки дома нет, мышкам воля, радость и счастье"^x.

Судя по реальным делам и действиям на государственном поприще избранных императрицы, нельзя не отметить, что она все же порой переоценивала их возможности. Но и в этом случае не обделенная хитростью правительница ловко использовала силу и слабость их в интересах дела, подспудно вызывая в них дух соревновательности. К примеру, она сама прямо пишет о том, как ей удавалось руководить двумя такими противоположными личностями, как Г.Г. Орлов и Н.И. Панин. "Они были совсем разных мнений и вовсе не любили друг друга, - пишет она. - И то сказать, больше сходства у воды с огнем, чем у них. И оба они столько лет были моими ближайшими советниками! И, однако, дела шли, и шли большим ходом. За то часто мне приходилось поступать, как Александру с Гордиевым узлом, и тогда противоречивые мнения приходили к согласию. Один отличался отвагою ума, другой - мягким благоразумием, а ваша покорнейшая услужница следовала между ними укороченным скоком (галопом. - *М.Р.*), и от всего этого дела великой важности принимали какую-то мягкость и изящество"^{xi}.

И еще одна важная черта императрицы в отношениях со своими помощниками - лучше ненавязчиво подсказывать, чем приказывать. Часто лучше внушать преобразования, чем их предписывать, любила она говаривать. В.О. Ключевский, отчасти повторяя слова де Линя, пишет в этой связи: "Хорошо изучив людей, она знала, кому какое дело поручить можно, и так осторожно внушала намеченному исполнителю свою мысль, что он принимал ее за свою собственную и тем с большим рвением исполнял ее"^{xii}.

Однако с годами, и особенно к концу царствования, строго руководствоваться названными принципами Екатерине II становилось все труднее, все меньше возможностей предоставлялось для удачного во всех отношениях выбора, все чаще на ответственные должности попадали люди случайные. Это ее настолько угнетало, что в письме Гримму в начале 90-х гг. она с несвойственной ей резкостью пишет о том, что "половина тех, кто еще в живых, или дураки, или сумасшедшие; попробуйте, коли можете, пожить с такими людьми!"^{xiii} Сказанное можно было бы объяснить присущей пожилым людям раздражительностью, но только отчасти. До лоска европеизированный любимый внук императрицы Александр за полгода до

смерти бабушки в письме близкому другу, будущему члену негласного комитета В.П. Кочубею о людях, занимавших высшие посты в окружении Екатерины II, заметил, что многих из них "не желал бы иметь у себя и лакеями"^{xiv}.

Романтические суждения молодой Екатерины о том, что "тот, кто не уважает заслуг, не имеет их сам; кто не ищет заслуг и кто их не открывает, недостоин и не способен царствовать"^{xv}, разбивались о реальную жизнь. Отсутствие в поле зрения императрицы достойных к управлению государственными делами лиц порой приводит ее почти в отчаяние. В октябре 1791 г. в связи с кончиной Г.А. Потемкина она пишет, что князь "своею смертью сыграл со мной злую шутку. Теперь вся тяжесть правления лежит на мне (...) Ну как же быть? Надо действовать (...) Ах, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой делать"^{xvi}. Правда, тут же она называет имена двух, на ее взгляд, "подающих более всего надежд" особ - Платона и Валериана Зубовых (последнему фавориту не было еще и 24 лет, а его брату не исполнилось и двадцати), с поразительной слепотой щедро наделяя первого "последовательным умом", "понятливостью", "обширными и разнообразными" знаниями и позже называя его очень "даровитым человеком". Эта явно неадекватная характеристика весьма посредственного по уровню интеллекта П. Зубова со всей очевидностью показывает, насколько императрица с возрастом стала ошибаться в людях. Великий князь Александр в письме к тому же В.П. Кочубею с горечью и болью пишет о последствиях подобных заблуждений царицы: "В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду (...) Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша"^{xvii}.

Примерно также писал и К. Массон в своих "Секретных записках о России", которые едва ли были в то время известны Александру. Наблюдательный критик сложившегося режима пишет, что конец царствования Екатерины II "в особенности был бедственен для рода и империи. Все пружины управления были испорчены: всякий генерал, всякий бернатор, всякий начальник департамента сделался в своей области деспотом. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с публичного торга. До 20 олигархов под предводительством фаворита (П. Зубова. - *М.Р.*), разделили Россию, грабили или позволяли грабить финансы и состязались в грабительстве несчастных"^{xviii}. Именно к последним годам правления Екатерины II относятся и известные резкие оценки А. С. Пушкина, сложившиеся, видимо, на основе воспоминаний современников императрицы: "Екатерина знала плутни и грабйжи своих любовников, но молчала. Одобренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием (...) От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно"^{xix}.

Близко знавшие Зубова люди оставили о нем чрезвычайно резкие отзывы: граф Ф.В. Ростопчин считает его бездарностью, прямо говоря, что "память" заменяет ему "здравомыслие" (умение с легкостью запоминать чужие мысли и откровенная наглость позволяли Зубову выдавать их за свои); А.В. Храповицкий наградил его прозвищем "дуралеюшка", а генералиссимус А.В. Суворов и вовсе именовал его не иначе, как "негодяем" и "болваном" (и это несмотря на то, что дочь

его, "Суворочка", была замужем за старшим братом Платона, Николаем). По мере старения императрицы Зубов приобретал все большее могущество, да такое, что будущий фельдмаршал М.И. Кутузов по утрам варил ему "особенным образом" кофе... Вынужден был считаться с его капризами и цесаревич Павел, а высокие царедворцы терпеливо сносили проказы его любимой обезьяны, скакавшей по их головам во время малых приемов во внутренних покоях Екатерины. Возвращенное речами придворных льстецов высокомерие Зубова, вдруг, после смерти Потемкина, возомнившего себя великим человеком, не знало границ. К тому же, будучи уверен в безграничном расположении дряхлеющей императрицы, он чуть ли не на ее глазах не только допускал "амурные шалости", но и бесконтрольно распоряжался казенными деньгами. Впрочем, этим в тех или иных масштабах занимались и все прежние фавориты. По приблизительным подсчетам французского историка Кастера, десяток главных фаворитов Екатерины обошелся казне в сумму, превышавшую годовой бюджет страны, -92 млн. 500 тыс. руб. Реальные же потери, несомненно, были гораздо большими за счет не поддающихся учету фактов массового воровства.

Но тема фаворитизма требует более основательного разговора. Здесь же лишь заметим, что если в общем плане фаворитизм в России в иные времена мало чем отличался от своих аналогов в других странах с автократическими режимами, то в царствование Екатерины II он, по сути, приобрел функции некоего государственного механизма, и когда в нем обнаруживались сбои, это в той или иной мере отзывалось на течении государственных дел. По отзывам же иностранных дипломатов, в стране в период смены фаворитов наблюдалось даже нечто вроде междуцарствия...

Не все из обласканных императрицей претендентов на место в ее окружении оправдывали ее ожидания, и тогда она без особого сожаления и всегда по-доброму расставалась с ними (даже щедро одаряя их деньгами и имуществом)^{xx}, и, подобно легкомысленной девице, могла сказать, например, своим друзьям: "...я отдалилась от некоего превосходного, но весьма скучного гражданина (В.С. Васильчикова. - М.Р.), которого немедленно, и сама точно не знаю как, заменил величайший, забавнейший и приятнейший чудак, какого только можно встретить в нынешнем железном веке". Речь шла о Г.А. Потемкине. Вскоре Екатерина воскликнет: "Ах, что за светлая голова у этого человека!" Для восхищения был повод: "Ему более, нежели кому-нибудь, мы обязаны этим миром (Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией 1774 г. - М.Р.). И при всей своей деятельности он чертовски забавен". Позднее она не раз с нескрываемым удовлетворением отмечала: "...он умнее меня и все, что он ни делал, было глубоко обдуманно"^{xxi}. Она считала его своим лучшим "выучеником" (напомним, князь на 10 лет моложе учительницы).

Действительно, неимоверно быстро прошедший ступени высших административных и военных должностей, делом доказавший свое соответствие им, вышколенный императрицей, он стал самой могущественной и влиятельной фигурой в свите Екатерины II. ее правой и левой рукой. Смерть светлейшего князя императрица восприняла как тяжкий удар судьбы. 13 октября, узнав о его кончине, Екатерина, ломая устоявшийся распорядок, в полтретьего ночи садится за письмо к всепонимающему Гримму, ибо не в силах справиться с постигшим ее горем: снова

страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой выученик, мой друг, можно сказать мой идол, князь Потемкин Таврический, умер в Молдавии, от болезни, продолжавшейся почти целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому (...) Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело было сделано не так, как следовало; с летами, благодаря опытности, он исправился от многих своих недостатков (...) в нем были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что что в состоянии сделать^{xxxii}.

Спустя два месяца императрица все так же остро переживает утрату: "Я все еще продолжаю грустить. Заменить его невозможно, потому что нужно родиться таким человеком, как он, а конец нынешнего столетия не представляет гениальных людей, - станем надеяться, что у нас будут по крайней мере умелые люди; нужно время, старание, опыт"^{xxxiii}.

А.В. Храповицкий, фиксируя в своем дневнике события, связанные с кончиной Потемкина, записывает, что с получением очередного известия об ухудшившемся состоянии его здоровья - "слезы <...> пустили кровь", сообщение же о смерти повергло Екатерину в шок, опять "слезы и отчаяние". На другой день "жаловались, что не успевают приготовить щей. Теперь не на кого опереться". 16 октября: «Продолжение слез. Мне сказано: "Как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то... Да и все теперь, как улитки, станут высовывать головы". Я отрезал тем, что "все это ниже Ее Величества". - "Так, да я стара. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить"». Но тут же статс-секретарь с некоторой грустинкой записывает: "...а я скоро увидел собственноручную Ее Величества записку, по коей заключил, что во всем опрутся на Зубова, и что самое последствие времени доказало"^{xxxiv}. Замена, хотя и вовсе неравноценная, нашлась, но память о князе сохранялась прочно, о чем говорят все те же записи Храповицкого^{xxxv}. Надо полагать, что она не угасала до конца дней Екатерины, но записей у Храповицкого об этом нет - в начале сентября следующего года он оставил службу при дворе. Заметим только, что еще в феврале 1794 г. Екатерина как о решенном деле писала: "...Прежде чем я отправлюсь на тот свет, я должна увидеть плодородные страны, лежащие между Борисфеном, Днестром и устьем Буга", куда "спешил князь Потемкин, когда почувствовал приближение смерти"^{xxxvi}.

Пожалуй, подобное же потрясение Екатерина испытала только в 1784 г., после смерти другого ее фаворита - А.Д. Ланского, которого она, согласно светской молве, по-настоящему любила. "Существо превосходнейшее", "он всегда огонь и пламя" – подобными эпитетами заполнены письма Гримму в период увлечения Ланским. Наиболее полно чувства Екатерины к нему передает письмо от 2 июля

1784 г.: "Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил себе мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделявший мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям. Словом, я имею несчастье писать вам рыдая (...) и до такой степени болезненно расстроена в настоящее время, что не в состоянии видеть человеческого лица без того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни есть; чтение нагоняет на меня тоску, а писать я не в силах. Не знаю, что будет со мной; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня"^{xxvii}.

В начале сентября, оценивая свое душевное состояние, Екатерина пишет, что "от слишком сильно возбужденной чувствительности я сделалась бесчувственной ко всему, кроме одного горя; это горе росло каждую минуту и находило себе новую пищу на каждом шагу, по поводу каждого слова". Но тут же, чтобы не дать нового повода для уже идущих разговоров о заброшенных делах, добавляет, что несмотря "на весь ужас своего положения", она не "пренебрегла хотя бы последней малостью, для которой требовалось мое внимание: в самые тяжкие минуты ко мне обращались за приказаниями по всем делам, и я распорядилась как должно и с пониманием дела". Но впечатления современников были иными. Большой деловой активности убитой горем Екатерины не зафиксировал в своих записях и Храповицкий. По словам самой императрицы, лишь осенью, когда она вернулась из Царского Села в Петербург, в первый раз после потери "друга" вышла к обедне, на люди. Но это стоило ей таких невероятных усилий, что, как она пишет, "возвратись к себе в комнату, я почувствовала упадок сил, и всякий другой упал бы в обморок, чего со мной отродясь еще не бывало". Чуть позже она признавалась: "Все меня огорчает, а я никогда не любила быть жалкою. Видно, от подобного состояния не умирают, так как я вот осталась жива и только шесть дней пролежала в постели"^{xxviii}. И в последующей переписке с Гриммом то и дело встречаются вкрапленные в основной сюжет писем откровения: "Скажу вам, что касается дел общественных, то все пойдет своим чередом, по-прежнему; но в моем личном существовании прежде я была очень счастлива, а теперь лишилась этого счастья. Я старалась утопить себя в чтении и письме, вот и все: у меня остается одна только крайняя чувствительность к невознаградимой утрате, которую я испытала".

Лишь в конце февраля 1785 г. наступает просвет в ее мрачном состоянии, и связано это было с появлением нового "друга, весьма способного и весьма достойного носить это имя" (речь идет об А.П. Ермолове, пробывшем "в случае" всего лишь год, и не оставившем каких-либо заметных следов ни в сердце Екатерины, ни в истории страны). До этой же поры она оставалась "существом бездушным, прозябающим, которого ничто не могло одушевить", все "было так тягуче и тоскливо", и только спустя год верному князю Потемкину разнообразными ухищрениями удалось ее "воскресить из мертвого сна"^{xxix}. 6 июня 1786 г., т.е. через два года после смерти Ланского, Храповицкий записывает: "Во

время гулянья наехали на кладбище в Царском Селе (...) Вспомнили Ланского". А на следующий день следует запись о последствиях посещения могилы "друга": "Во весь день не было выхода"^{xxx}.

Думается, вышесказанное позволяет в полной мере судить о глубине и силе страстной натуры Екатерины. Она умела любить всем сердцем, умела быть безгранично счастливой, но и страдания ее были неподдельно тяжелы. Высоко ценя ум и преданность, она всегда стремилась окружить себя людьми, которые понимали бы ее с полуслова, которым она могла бы доверять, как самой себе. Этим, вероятно, объясняется ее давнее желание заняться подготовкой таких кадров из числа людей молодых и толковых. Как-то главный воспитатель великих князей Александра и Константина Н.И. Салтыков, один из немногих, кому императрица позволяла быть с ней откровенным, обратил ее внимание на неприличное несоответствие возраста П. Зубова (ему 24 года) и ее собственного (ей тогда шел 63-й год). В ответ услышал широко известное: "Ну что же. Я оказываю услуги государству, воспитывая даровитых молодых людей". Это было бы смешно, если бы императрица и впрямь не уверила себя в этом своем предназначении. Однако этот опыт ей не удался, за исключением, пожалуй, только одного примера с Г.А. Потемкиным. Хотя и в этом случае воспитание, пожалуй, было обоюдным, учитывая государственный ум князя. Трудно гадать, как проявил бы себя якобы подававший большие надежды Ланской, хотя искушенный Г. Орлов однажды воскликнул: "Вы увидите, какого человека она из него сделает! Тут поглощается все". Но под последним разумелись, как выясняется из слов Екатерины, знания, далеко отстоявшие от усвоения начал управления государственным механизмом: "В течение зимы он начал поглощать поэтов и поэмы; на другую зиму многих историков (...) Не предаваясь изучению [?!], мы приобретаем знаний без числа и любим водиться лишь с тем, что есть наилучшего и наиболее поучительного. Кроме того мы строим (беседки! -М.Р.) и садим, мы благотворительны, веселонравны, честны и мягкосердечны"^{xxxii}. Но из этого можно заключить, что готовился не государственный муж, а скорее, приятный и занимательный собеседник для скрашивания долгих зимних петербургских вечеров и летних прогулок императрицы.

Не дало желаемого результата и многолетнее "воспитание" весьма прагматичного по натуре Платона Зубова, наделенного Екатериной всеми мыслимыми государственными обязанностями и должностями. Действительная же роль его в важных текущих делах была столь ничтожна, что состоявшие на российской службе иностранцы, не вовлеченные в дворцовые интриги, беспристрастно отмечают, что не было заметно пустоты, когда Зубов исчез с занимаемого места^{xxxii}. По дневниковым записям Храповицкого также не видно большого его фактического участия в управлении страной. Показательно, что Екатерина II, питавшая пристрастие давать характеристики всем сколько-нибудь значимым лицам из своего окружения, в отношении Зубова ограничилась лишь вышеприведенной фразой.

А надо сказать, она мастерски владела умением дать словесный портрет. К примеру в 1783 г., когда скончался Г. Орлов, она писала: "В нем я теряю, - писала она, - друга и общественного человека, которому я бесконечно обязана и который оказал мне самые существенные услуги. Меня утешают, и я сама говорю себе все,

что можно сказать в подобных случаях, но ответом на эти доводы служат мои рыдания (...) Гений князя Орлова был очень обширен; в отваге, по-моему, он не имел себе равного. В минуту самую решительную ему приходило в голову именно то, что могло окончательно направить дело в ту сторону, куда он хотел его обратить, и в случае нужды он проявлял такую силу красноречия, которой никто не мог противостоять, потому что он умел колебать умы, а его ум не колебался никогда. Но при этих великих качествах, ему недоставало последовательности по отношению к предметам, которые в его глазах не стоили заботы, и лишь немногие предметы удостоивал он своей заботы или скорее труда своего, ибо занят был одним предметом (Екатерина II имеет в виду себя. - *М.Р.*). От этого он казался небрежным и неуважительным больше, нежели на самом деле. Природа избаловала его, и он был ленив ко всему, что внезапно не приходило ему в голову^{"xxxiii"}. "Смерть князя Орлова, - пишет далее Екатерина, - свалила меня в постель; ночью у меня сделалась такая сильная лихорадка с бредом, что (...) принуждены были пустить мне кровь"^{"xxxiv"}. В эти же дни и Храповицкий записывает слова императрицы об Орлове и его заслугах: "Князь Орлов был гений, но кроток, как барашек (...) два дела его славные - восшествие и прекращение чумы (речь идет об эпидемии чумы в 1771 г. в Москве, ехать куда Орлов вызвался сам. - *М.Р.*): первое не может быть сравнено с восшествием Елизаветы Петровны. Тут не было неустройства, но единодушие"^{"xxxv"} (как видим, Екатерина II не упускает случая указать, что вззошла на трон по желанию всего народа).

Прочих фаворитов Екатерины II в рамках вопроса о пестовании государственных деятелей нет нужды и упоминать - они себя в этом плане практически никак не проявили. Да и сама правительница едва ли всерьез об этом помышляла, ибо, если судить по имеющимся ее отзывам о них, главными критериями отбора были совсем иные качества. Вот, можно сказать, типичная характеристика одного из них - А.М. Дмитриева-Мамонова (одногодок Ланского, "в случае" в 1785-1789 гг.): "Под этим Красным Кафтаном (прозвище "героя" в окружении игривой императрицы. - *М.Р.*) скрывается превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности; умны мы за четверых, обладаем неистощимой веселостью, замечательной оригинальностью во взгляде на вещи и в способе выражения, удивительною благовоспитанностью, и знаем тайну всего того, что придает блеск уму. Мы скрываем как преступление свою склонность к поэзии; мы страстно любим музыку; способность все схватывать - у нас редкая. Бог знает, чего только мы не знаем наизусть; мы декламируем, болтаем, имеем тон лучшего общества, чрезвычайно учтивы, пишем по-русски и по-французски как редко кто-нибудь у нас пишет и по слогу и по почерку. Наружность наша совершенно соответствует внутреннему достоинству: черты лица правильны - у нас чудные черные глаза с тонко нарисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободная; одним словом, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся ловкостью, силой и блестящей наружностью"^{"xxxvi"}. Екатерина настолько безоглядно увлечена своим новым избранником, что теряет чувство меры и называет его Пирром, царем Эпирским: "Всякое положение, всякое движение Пирра изящно и благородно. Он светит как солнце и вокруг себя разливает сияние. И при всем том ничего изнеженного; напротив, это мужчина, лучше какого вы не придумаете. Словом, это Пирр, царь

Эпирский. Все в нем гармония, ничего отрывочного. Таково действие драгоценных даров, которые природа соединила и которыми наделила красоту свою^{"xxxvii"}.

Но любопытно, что десятью годами ранее Екатерина почти в тех же выражениях говорит о Г. Орлове (в письмах к Бьельке): "Граф Орлов (...) без преувеличения, первый красавец своего времени (...) он изумительное существо: природа так необыкновенно щедра была к нему со стороны его наружности, ума, сердца и души, что в этом человеке нет ничего приобретенного: все у него хорошо, но за то природа и избаловала его, потому что ему всего труднее заставить себя учиться, и до 30 лет ничего не могло принудить его к тому. При всем том нельзя не удивляться, как много он знает; его природная проницательность так велика, что, слыша в первый раз о каком-нибудь предмете, он в минуту схватывает всю его суть и далеко оставляет за собой того, кто с ним говорит"^{"xxxviii"}. Пожалуй, такое совпадение по существу и тональности оценок можно объяснить чрезмерной чувствительностью, впечатлительностью пылкой и увлекающейся натуры ("страстная в увлечениях", замечает Сегюр^{xxxix}), тем, что на ее взгляд, красота сама по себе "добродетель, и притом весьма привлекательная!" "Я так люблю красивые личики", - признается она в одном из своих писем Гримму^{xl}.

Но, как известно, и с "красавцем Пирром" вышла осечка: не страшась гнева теряющей голову в приступах ревности стареющей Екатерины, "милый лжец" завел роман с одной из двадцати очаровательных фрейлин, завершившийся браком. Екатерина, после десятилетних обманов и колебаний, брошенная Мамоновым словно заурядная любовница и тем не менее продолжавшая, как она сама признавалась, любить его, нашла в себе силы и решимость благословить брак (не удержавшись, правда, от соблазна до крови уколоть булавкой в голову невесту во время положенного по придворному этикету "налаживания" ей прически самой императрицей) и тут же без промедления выдворить молодых в Москву: как говорится, с глаз долой - из сердца вон. Примечательно, что через год после своей столь экстравагантной женитьбы Мамонов затосковал по прежней жизни (да и брак оказался несчастлив, по поводу чего Екатерина без тени злорадства заметила Храповицкому: "Он не может быть счастлив; разница ходить с кем в саду и видаться на четверть часа, или жить вместе"^{xi}) и стал засыпать императрицу слезливыми посланиями, умоляя вернуть ему свою благосклонность. Но Екатерина, как и в других делах, была тверда и последовательна в своем решении и не дала ему никакой надежды. К тому же и место было уже прочно занято 22-летним "смугляком" (так называла его в письмах Екатерина) с примесью татарских кровей Платоном Зубовым.

Итак, с задачей подготовки молодых людей к управлению важными государственными делами вышла осечка, а возможно, она и не ставилась всерьез, а была лишь прикрытием, отговоркой - только бы Салтыков и другие не докучали ненужными намеками и откровениями.

И тем не менее приведенные выше характеристики не дают оснований видеть в образе Екатерины II новую Мессалину^{xlii}. И в первую очередь тому мешает ее откровенно материнское отношение к фаворитам. Если, например, не знать наверняка, кто и кому давал вышеприведенные оценки, то первое, что приходит на ум, - это любящая мать рассказывает о своем единственном и бесценном чаде.

Вообще, надо заметить, что материнское начало у Екатерины II было развито весьма сильно. Возможно, это было естественной реакцией на раннее (сразу же после родов) отлучение ее от сына, и поэтому она впоследствии часто и подолгу привечала в своих покоях смысленных и симпатичных малышей - детей своих приближенных. С четырехлетнего возраста почти безотлучно находился при императрице упомянутый выше автор любопытных записок А.И. Рибопьер, были и другие, ничем особенным не выделявшиеся дети. Случалось, Екатерина со знанием дела выступала в роли повивальной бабки при родах жен великих князей и наследника, и бывало, что не отходила от рожениц буквально сутками. Несть числа ее блестящим описаниям в письмах к друзьям внешности, проказ, вкусов и характеров многочисленных своих внуков и внучек. Для каждого она находила неординарное доброе слово или порицание за шалости, за каждого из них молила Бога дать хорошее будущее. Приведем лишь одну короткую выдержку из ее письма о самом любимом ее внуке Александре. О двухлетнем малыше бабушка пишет: "Я от него без ума, и если бы можно, всю жизнь держала бы подле себя этого мальчугана. Нрав у него всегда одинаков, потому что он здоров, и этот нрав состоит в том, что он всегда весел, приветлив, предупредителен, ничего не боится и прекрасен, как амуры. Дитя это есть предмет всеобщего восхищения, и особливо моего"^{xliii}. Не менее эмоциональными и прекрасными отзывами и о других ее "детях" заполнены многие письма разным корреспондентам.

Возвращаясь к теме фаворитизма, нельзя не коснуться вопроса о причинах его расцвета при Екатерине II. Чисто поверхностное объяснение их видится в слабости ее женской натуры^{xliv}. Но надо иметь в виду, что не всегда она сама давала повод для разрыва: с Потемкиным они не могли быть всегда вместе из-за взрывного его характера, да и дела на юге страны требовали постоянного присутствия там князя; Корсаков застигнут в объятиях ближайшей подруги Екатерины, графини Брюс; Ланской умер в зените фавора; о Мамонове было сказано выше. Заложённая в ней от природы чувственность, ввиду особых обстоятельств задавленная в молодые годы (иначе с чего бы она в пору своего физического расцвета многожды проводила верхом на лошади по 13 часов в сутки или по целым дням охотилась на водоплавающую дичь, хотя и не любила это занятие?^{xlv}, потом прорвалась с неудержимой силой. С другой стороны она, по ее собственному признанию, органически не переносила женского общества и отсутствия рядом крепкой мужской руки, мужчины, способного к сопереживанию, к ободряющей поддержке, реальной помощи, к чему Екатерина настойчиво приучала и принуждала фаворитов. Ей нужны были твердая мужская воля, логический мужской ум. Возможно, что она таким образом пыталась решать какие-то свои психологические проблемы (искала равного себе?), неизбежно возникавшие по причине постоянной и порой полной ее погруженности в государственные дела. Так, когда Потемкин был в Крыму, то в своих письмах к нему "колеблющаяся без поддержки" князя императрица и впрямь не раз пишет, что без него, как без рук, и требует скорейшего его возвращения, ибо долгое отсутствие князя вызывает неустройство в государственных делах^{xlvi}. Так оно, вероятно, и было на самом деле, но укажем на одно существенное обстоятельство, дружно отмечаемое в разное время пребывавшими при дворе иностранцами, очень внимательно наблюдавшими за всем тем, что происходило в окружении

императрицы. Р. Дама, как и другие его коллеги, уверенно пишет, что императрица сама всегда "точно определяла степень доверия" в решении тех или иных дел фаворитами: "Они увлекали ее за собой в решениях данного дня, но никогда не руководили ею в делах важных. Князь Потемкин более всех других фаворитов имел влияние на ее мнение, но и он знал, что на глазах императрицы нельзя пользоваться властью, которую он разделял с нею". Общий вывод французского подданного, хорошо знакомого с историей своей страны, однозначен: "Ни один из ее фаворитов не властвовал над нею в такой мере, в какой метрессы подчинили себе Людовика XIV и Людовика XV"^{xlvi}. То же удостоверяет и де Линь: "Фавориты никогда не имели ни власти, ни кредита"^{xlvi}.

Специально доказывать справедливость приведенных мнений, наверное, нет нужды, для этого надо лишь обратиться к указам, распоряжениям, переписке Екатерины II с разного уровня должностными лицами за весь период ее правления - ни на их содержании, ни на их форме смена фаворитов никак не отразилась. Она действительно желала участия фаворитов в государственных делах и даже деликатно подталкивала их к этому. И те из них, "которые были приучены к государственным делам самой императрицей и испытаны в тех делах, к которым предназначались, бывали ей весьма полезны", - замечает де Линь^{xlix}. Но Екатерина II всегда определяла границы их вмешательства в предначертанный ею ход дел, особенно в сфере внешнеполитических отношений.

На многие "почему" в этом, прямо скажем, щекотливом вопросе фаворитизма дает ответ известная "Чистосердечная исповедь" императрицы, написанная ею для Потемкина предположительно в 1774 г. Приведем ее ключевые положения. Но прежде поясним, что брачная ночь Екатерины и Петра после свадьбы 21 августа 1745 г. в действительности не являлась таковой, и по собственному признанию новобрачной, "в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения", т.е. до той поры, когда ей было уже 25 лет, что и объясняет начало "Исповеди":

"Марья Чоглокова¹ видя что чрез девять лет обстоятельства остались те же каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена (...) не нашла иного способа (...) как (...) сделать предложение чтобы выбрали (...) Сер[гея] Сал[тыкова] и сего более по видимой его склонности и по уговора мамы (...) По прошествии двух лет С.С. послали посланником ибо он себя нескромно вел (...) По прошествии года и великой скорби приехал нынешний кор[оль] Поль[ский] которого (...) добрые люди заставили пустыми подробностями догадаться, что он на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал (...) Сей был любезен и любим от 1755 до 1761 по тригоднишной отлучке, то-есть от 1758 и старательства кн. Гр[игория] Гр[игорьевича] которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мысли. Сей бы век остался, естлиб сам не скучал, а сие узнала в самый день его отъезда на конгрес из Села Царского, и просто сделала заключение что о том узнав уже доверки иметь не могу, мысль которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор коя какой, во время которого (...) всякая приласканья во мне слезы возбуждала, так что я думаю что от рождения своего я столько не плакала как сии полтора года; с начала я думала что привыкну, но что далее то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дутся стали признаться надобно, что никогда довольнее не была как когда осердится и в покои

оставит, а ласка его мне плакать принуждала. Потом приехал некто богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласки прелестен был так, что услыша о его приезде уже говорить стали что ему тут поселиться а того не знали что мы писмецом сюда призвали неприметно его (...)

Ну Госп. Богатырь после сей исповеди могу ли я надеится получить отпущение грехов своих, изволишь видеть что не пятнадцать, то третья доля из сих, первого по неволе да четвертого из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих естли точно разберешь, Бог видит что не от распутства к которой никакой склонность не имею и естлиб я в участь получила с молода мужа которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась^{li}, беда та что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви^{lii}, сказывают такой пороки людские покрыть стараются будто сие происходит от добросердечия но статья может что подобное диспозиция сердца более есть порок нежели добродетель, но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбилши или не захочешь в армию ехать боясь чтоб я тебя позабыла, но право не думаю чтоб такое глупость сделала, и естли хочешь на век мне к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви а наипаче люби и говори правду"^{liii}.

Государыня "такое глупость" все же сделала, а вот светлейший князь, как показала жизнь, последнее пожелание ее исполнял отнюдь не по принуждению. Более того, для нее его душа всегда была нараспашку, да и она, кажется, отвечала ему тем же. В целом вся жизнь и деятельность Екатерины II были подчинены замечательной формуле: "последовательность в поступках". С исчерпывающей ясностью формула эта раскрывается в следующих словах императрицы, относящихся к последним годам ее жизни (1794 г.): "Счастье и несчастье зависят от характера человека; характер определяется нравственными правилами, а успех зависит от умения найти надлежащие средства для достижения цели. Как скоро у человека нет твердых убеждений, и он ошибся в средствах, тотчас пропадает всякая последовательность в поступках"^{liv}. Императрица и человек, Екатерина II твердо следовала однажды принятым правилам, и, когда после смерти ее самого верного друга и наперсника Г.А. Потемкина в свете поползли слухи о возможных переменах в делах и поступках, то она клятвенно обещала не изменять себе ни в чем: "Что касается до меня, будьте уверены, что я останусь неизменной; я всем проповедую постоянство и, конечно, сама не стану меняться"^{lv}. И в этом была главная отличительная черта ее 34-летнего царствования - стабильность, хотя, как писал В.О. Ключевский, из них 17 лет борьбы "внешней или внутренней" приходились "на 17 отдыха!"

Постоянством отличались и ее взгляды на политическое устройство стран Европейского континента. Оценивая потрясшие все европейские страны события Французской революции 1789-1793 гг., она наставляла своего единомышленника Гримма: "Вы правы, что не хотели быть в числе фанатиков, иллюминатов и философов, потому что все они, как доказывает опыт, стремятся только к разрушению. Но что они ни говори и что ни делай, все же миру не обойтись без повелителя, и уж, конечно, лучше неразумие одного человека, которое и продолжается-то недолго, чем неразумие многих. По их милости 20 млн. людей приходят в бешенство от одного только слова "Свобода", а между тем у них и тени ее нет, и безумцы все бегут за ней и никак не могут поймать"^{lvi}. Чуть ранее она

заметила: "...от природы питаю большое презрение ко всем народным движениям"^{lvii}.

Последнее письмо Гримму, написанное Екатериной за 16 дней до смерти, можно расценивать как политическое ее кредо, как некое завещание преемникам российского престола. Вот его центральная мысль: "Я проповедую и буду проповедовать всем государям против разрушителей престолов и общества, не взирая на всех сторонников бедственной противоположной системы, и увидим, кто одержит верх: разум или безумие коварных последователей ненавистной системы, которая сама в себе исключает и попирает ногами религию, честь и славу"^{lviii}. В более раннем послании Екатерина II четко показывает свое понимание главной опасности для нормальной (естественной) жизни общества и государства: "Да посягнет Небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства"^{lix}.

Свою же собственную роль в этом процессе достижения "истинного блага" в России она оценивала скромно: "Что бы я ни делала для России, - это будет только капля в море"^{lx}. В действительности дело, конечно же, обстояло не так. Приведем в этой связи мнение А.И. Рибопьера. Екатерина, пишет он, "как женщина и как Монархиня (...) вполне достойна удивления. Славу прекрасного ее царствования не мог затмить ни один из новейших Монархов. Чтоб в этом убедиться, стоит только сравнить, чем была Россия в ту минуту, когда она вступила на престол, с тем, чем стала она, когда верховная власть перешла в руки Павла I (...) Она присоединила к Империи богатейшие области на юге и западе. Как законодательница, она начертала мудрые и справедливые законы, очистив наше древнее Уложение от всего устарелого. Она почитала, охраняла и утверждала права всех народов, подчиненных ее власти. Она смягчала нравы и всюду распространяла просвещение. Вполне православная, она, однако, признала первым догматом полнейшую веротерпимость: все вероисповедания были ею чтимы, и законы, по этому случаю изданные ею, до сих пор в силе". Автор записок останавливает внимание свое и на более частных делах Екатерины II, одинаково поражающих воображение современников и восхищающих потомков: "Красивейшие здания Петербурга ею построены. Эрмитаж с богатейшими его коллекциями, Академия Художеств, Банк, гранитные набережные, гранитная облицовка Петропавловской крепости, памятник Петру Великому, решетка Летнего сада и пр. - все это дела рук ее. Если судить о Екатерине как женщине, то и тут надо признаться, что ни одна женщина не соединяла в себе столько превосходных качеств. Возвышенный ум, чувствительное и сострадательное сердце, мужественная твердость характера, увлекательная прелесть, тихий и ровный нрав, благородство, изящное обращение, внушающая и в то же время чарующая наружность"^{lxi}. Справедливости ради надо отметить, что автор приведенных строк, как он сам признавал, отнюдь "не отвергал огулом все то, в чем ее упрекают, но даже в иных случаях и сам находил, что она была неправа"^{lxii}.

Согласимся, что эти суждения не расходятся со свидетельствами других современников, приведенными выше. Все они независимо друг от друга с редким единодушием наделяют Екатерину II умом, обаянием и талантами, а также такими привлекательными чертами характера, как достоинство и живость, веселость и любезность, любознательность и наблюдательность, сообразительность и развитая

интуиция. Сегюр писал, что "Екатерина отличалась огромными дарованиями и тонким умом; в ней дивно соединились качества, редко встречаемые в одном лице"^{lxiii}. С.М. Соловьев вовсе не стремился абсолютизировать, как полагают комментаторы его главного труда - "Истории России с древнейших времен", личные качества Екатерины II, когда давал обобщенную характеристику: "...необыкновенная живость ее счастливой природы, чуткость ко всем вопросам, царственная общительность, стремление изучить каждого замечательного человека, исчерпать его умственное содержание, его отношения к известному вопросу, общение с живыми людьми, а не с бумагами, не с официальными докладами только - эти драгоценные качества Екатерины поддерживали ее деятельность, не давали ей ни на минуту упасть духом, и эта-то невозможность ни на минуту сойти нравственно с высоты занятого ею положения и упрочили ее власть; затруднения всегда заставляли Екатерину на ее месте, в царственном положении и достойною этого положения, потому затруднения и преодолевались"^{lxiv}. Екатерине II были присущи и столь важные для политического и государственного деятеля глубина и проницательность мысли, необыкновенное трудолюбие, постоянное стремление к самосовершенствованию. Ее просвещенные современники дружно отмечают знание и использование Екатериной в планах реформ идей крупных мыслителей древнего и нового времени, видных экономистов.

Но в определении направления и содержания путей преобразований ей помогали не только приобретенные книжные знания, но и учет особенностей Российского государства. Близкое знакомство со страной, а особенно работа Уложенной комиссии 1767 г., ясно показавшая, "с кем дело имеем и о ком пещися должно", убедили ее, что "и у России есть свое прошлое, по крайней мере есть свои исторические привычки и предрассудки, с которыми надобно считаться"^{lxv}. И, если первоначально преобразовательную энергию Екатерины питал вполне определенный ее взгляд на Россию как на "еще не распаханную страну", что только такие страны "суть наилучшие"^{lxvi} для реформ, то реалии жизни быстро поубавили ее жажду к всеобщим переменам.

Как можно судить, Россия поначалу виделась Екатерине наиболее подходящей для претворения в жизнь ее замыслов. Из письма Вольтеру мы знаем ее мнение, что русский народ - это "превосходная почва, на которой хорошее семя быстро возрастает; но нам также нужны аксиомы, неоспоримо признанные за истинные"^{lxvii}. А аксиомы были известны - идеи, положенные ею в начала нового российского законодательства. Еще В.О. Ключевский специально выделил базовое условие для реализации преобразовательного плана, в сжатом виде изложенное императрицей в своем "Наказе": "Россия есть европейская держава; Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел такие удобства, каких и сам не ожидал. Заключение следовало само собой: аксиомы, представляющие последний и лучший плод европейской мысли, найдут в этом народе такие же удобства"^{lxviii}. Русский же народ она считала "особенным народом в целом свете; он отличен догадкою, умом, силою"^{lxix}. Я знаю это по двадцатилетнему опыту моего царствования. Бог дал русским особенное свойство"^{lxx}. Но всего этого оказалось недостаточно для реализации идеалистической в общем-то мечты об "общем благе", достижения которого она желала и не только на словах.

Современники Екатерининского века подчеркивают, что в основе устремлений и действий императрицы была забота о благе России, путь к которой, в ее представлении, лежал через торжество разумных законов, просвещение общества, воспитание добрых нравов и законопослушание. Стремление к созданию такого общества нашло конкретное выражение в законодательстве и практических делах Екатерины II, об этом свидетельствуют и записи ее статс-секретарей, обширная переписка императрицы. Главное же средство и надежная гарантия успеха реформаторских начинаний виделись Екатерине II в неограниченной самодержавной власти монарха, который всегда, повсюду и во всем направляет общество на разумный путь. Но именно Екатерина II впервые четко определила "просвещенное" понимание этой основной функции самодержца - направлять не силой, угрозами, чередой наказаний, а убеждением, внедрением в сознание общества необходимости объединения усилий всех сословий в достижении общего блага, общественного спокойствия, прочной стабильности.

Но невероятно инертное российское общество через отнюдь не блиставших в массе своей умом и дальновидностью^{lxxi}, а главное, не желавших никаких перемен представителей власти на местах (по идее императрицы, первых и основных ее помощников) вносило свои коррективы в обширные планы и намерения Екатерины II. Для преодоления этой умственной заскорузлости, а иногда и прямого противодействия императрице надо было обладать особой твердостью. И она это ясно осознавала: "Может быть, я добра, обыкновенно кротка, но по *своему званию* я должна *крепко хотеть*, когда чего хочу..."^{lxxii}

Как показывают исторические реалии, "кротость" Екатерины II имела все же четко очерченные пределы - интересы самодержавной власти и ее опоры - дворянства. В случае же посягательства на эти интересы кротость сменялась беспощадной решимостью. Без каких-либо колебаний ею был утвержден приговор о четвертовании Емельяна Пугачева (хотя и здесь проявились природные душевные качества императрицы - по ее негласному пожеланию ему вопреки обычаю сначала отрубили голову, а затем уже конечности, избавив смертника от мучительных страданий); "бунтовщик, хуже Пугачева", А.И. Радищев, немедленно был сослан в Сибирь (легко еще отделался); без следствия и суда был заточен в Шлиссельбургскую крепость писатель, публицист, книгоиздатель, просветитель Н.И. Новиков. Тем самым в своей политике Екатерина II, особенно в последние годы правления, не только не выходила за рамки идеологии Просвещения, определенной Кантом в формуле "Рассуждайте, но повинуйтесь!", но более того, она делала упор на второй составляющей этой дефиниции. Справедливости ради надо заметить, что и в первые годы царствования просвещенчеству она предпочитала повиновение, о чем свидетельствуют известный сенатский указ от 17 января 1765 г., разрешавший помещикам по своему произволу сдавать крестьян в каторжные работы, и указ от 22 августа 1767 г., под страхом наказания запрещающий крестьянам жаловаться на своих помещиков на высочайшее имя (и это после путешествия императрицы по Волге, когда она буквально была завалена просьбами защиты от притеснителей-помещиков).

В особой тетради под заглавием "Мысли, замечания императрицы Екатерины", относящейся к 60-м гг. XVIII в., молодая императрица записывает свои размышления, которые сделали бы честь и умудренному опыту правителю.

В дальнейшем она руководствовалась ими в практических своих действиях. Приведем некоторые из них, наиболее ярко характеризующие прагматичный, здравый ум Екатерины:

"Когда имеешь на своей стороне истину и разум", они "возьмут верх в глазах большинства; уступают истине, но редко речам, пропитанным тщеславием", но при одном неперемennom условии - "власть без доверия народа ничего не значит (...). Примите за правило ваших действий и ваших постановлений благо народа и справедливость, которая с ним неразлучна. Вы не имеете и не должны иметь иных интересов. Если душа ваша благородная - вот ее цель". А вот и чисто практический вывод и, если хотите, совет находящимся во власти: "Остерегайтесь (...) издать, а потом отменить свой закон; это означает вашу нерассудительность и вашу слабость и лишает вас доверия народа".

Нельзя не сказать и об ее убежденности в том, что "самым унижительным положением мне всегда казалось - быть обманутым" (дневниковые записи А.В. Храповицкого, кстати, не раз подтверждают искренность сказанного). Вообще, можно только восхищаться ее пониманием зависимости нормального течения дел от справедливости действий и поступков правителя: "Хочу, чтобы питали ко мне доверие, полагая, что я хочу лишь того, что справедливо..." И другое жесткое и всенужнейшее условие для того, чтобы общество судило о действиях власть имущих беспристрастно: "Преступление и производство дела должны быть сделаны гласными, чтобы общество (...) могло бы распознать справедливость". Вслед за крупнейшими мыслителями древности, Екатерина убежденно считала, что удовлетворить общество может только правда, какая бы горькая она ни была. К сожалению, сама она этого правила, особенно в последние годы царствования, придерживалась не всегда. Более последовательно, как представляется, она следовала другой аксиоме: "Никогда ничего не делать без правил и без причины, не руководствоваться предрассудками, уважать веру, но никак не давать ей влияния на государственные дела, изгонять из совета все, что отзывается фанатизмом, извлекать наибольшую по возможности выгоду из всякого положения для блага общественного..."

Главный же вывод из ее размышлений, основы ее мировоззрения состояли в следующем: "Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления (...) Итак, будем молить Бога, чтобы давал Он нам всегда благоразумных правителей, которые подчинялись бы законам и издавали бы их лишь по зрелом размышлении и единственно в виду блага их подданных"^{lxxiii}.

Екатерина II в своих практических действиях исходила из убеждения, что "истинное величие империи состоит в том, чтобы быть великою и могущественною не в одном только месте, но во всех своих местах, всюду проявлять силу, деятельность и порядок". Последнему она придавала особое значение, не раз подчеркивая, что "мы любим порядок, добиваемся порядка, обретаем и утверждаем порядок"^{lxxiv}. Как не без оснований полагала императрица, именно благодаря порядку "государство стоит на прочных основаниях и не может пасть"^{lxxv}. Сказанное о понимаемом ею "истинном величии империи" прямо относилось и к проводимому ею внешнеполитическому курсу страны. Здесь Екатерина II имела полное право считать себя "неподатливой", жестко придерживалась раз и навсегда

выработанного правила: "Дела свои она поведет не иначе, как по своему разумению", и никто "на свете не заставит ее поступить иначе, чем как она поступает"^{lxxvi}.

Надо признать, что в последующей истории России все венценосные монархи в своем понимании особенностей страны, возможностей народа и способов действия не могут быть сравнимы с Екатериной. Никто из них не обладал в той же мере постоянным стремлением к самосовершенствованию, никто не был равным ей по уму, оптимизму и трудолюбию. Никому из них не были присущи свойственные Екатерине широта и разнообразие интересов и занятий, умение достигать большего результата в главном. И уж, конечно, никто из них не состоял в многолетней и обширной переписке с такими личностями, как Вольтер и Дидро. Нельзя не процитировать при этом Н.М. Карамзина, который в начале XIX столетия писал: "Европа с удивлением читает ее переписку с философами, и не им, а ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаний, какое проникание, какая тонкость разума, чувств и выражений!"^{lxxvii} А кто из ее преемников на троне оставил после себя мемуары, подобные ее бесценным "Запискам", написанным легким пером и с предельной откровенностью, не говоря уж о том, что Екатерина была и плодотворной сочинительницей нравоучительных водевилей, комических опер, занимательных сказок для детей, домашних учебников по истории России для своих внуков. Никто из последующих монархов и не помышлял обречь себя на каторжный каждодневный труд по законотворчеству, написанию многотомной истории Российского государства, усердно копаясь в летописях и других древних источниках.

Двести лет назад завершилось правление императрицы, еще при жизни по праву названной Великой. Благодаря ее разумной политике Россия прочно заняла место ведущей державы мира. С тех пор во главе страны сменилось более десятка самодержцев, вождей, генсеков, президентов. И что мы имеем сегодня?! Едва ли наши соотечественники отзовутся о своем времени так же восторженно, как это делали люди Екатерининской эпохи.

ⁱ Окончание. Начало см.: Отечественная история. 1996. N 6.

ⁱⁱ Линь Ш.-Ж. де. Портрет Екатерины II // Бильбасов В.А. Исторические монографии. Т. 4. СПб., 1901. С. 516

ⁱⁱⁱ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3 (далее - Письма). С. 212, 219, 90

^{iv} Линь Ш.-Ж. де. Указ. соч. С. 509

^v Письма. С. 81

^{vi} Там же. С. 140

^{vii} Дневник А.В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 г. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем. Изд. 2. М., 1901. С. 67.

^{viii} Письма. С. 181

-
- ix Грот Я.К. Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1884. С. 367
- x Письма. С. 218
- xi Там же. С. 89-90
- xii Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729-1796) //Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 307
- xiii Письма. С. 185
- xiv Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. СПб., 1904. Т. 1. С. 113.
- xv Записки императрицы Екатерины Второй: Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907. С. 630 (далее - Записки).
- xvi Письма. С. 199
- xvii Цит. по: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 1. С. 112-113, 114
- xviii Массон К. Секретные записки о России и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. Т. 1. М., 1918. С. 45-46
- xix Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1949. С. 16.
- xx Видимо, здесь сказывалось ее органическое "неприятие ненависти к своим врагам" и "всякого угнетения, какого бы рода оно ни было". Все это было, как она пишет, "всецело противно моему образу мыслей" (Записки. С. 657.)
- xxi Письма. С. 9, 104.
- xxii Там же. С. 198
- xxiii Там же. С. 200
- xxiv Дневник А.В. Храповицкого... С. 220, 221
- xxv Там же. С. 224, 240, 241
- xxvi Письма. С. 211
- xxvii Там же. С. 99
- xxviii Там же. С. 99-100
- xxix Там же. С. 103, 104, 109, 115
- xxx Дневник А.В. Храповицкого... С. 6.
- xxxi Письма. С. 77
- xxxii Массон К. Указ. соч. С. 122
- xxxiii Письма. С. 89-90. Сходную характеристику см.: Записки. С. 711-712
- xxxiv Письма. С. 91
- xxxv Дневник А.В. Храповицкого... С. 47-48
- xxxvi Сборник РИО. Т. 23. СПб., 1878. С. 387, 388
- xxxvii Письма. С. 55. См. также с. 130, 134 и др
- xxxviii Сборник РИО. Т. 13. СПб., 1874. С. 258-259
- xxxix Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). СПб., 1865 //Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 318
- xl Письма. С. 231
- xli Дневник А.В. Храповицкого... С. 197
- xlii Тот же К. Массон, не упускавший случая позлословить, пишет, что любовная страсть "никогда не господствовала над нею до такой степени, чтобы сделать из нее Мессалину, но она часто позорила ее величие и ее пол" (Массой К. Указ. соч. С. 49).
- xliiii Письма. С. 57
- xliv Известный историк П.И. Бартнев, опубликовавший составленный М.Н. Логиновым список фаворитов Екатерины, отмечал, что "современники вполне ей

прощали ее увлечения, которые вызывались необыкновенными условиями самого ее сложения" (Любимцы Екатерины Второй // Русский архив. 1911. N 7. С. 319-320).

^{xlv} Записки. С. 192, 307.

^{xlvi} См.: Письма Екатерины II Г.А. Потемкину / Публикация подготовлена Н.Я. Эйдельманом // Вопросы истории. 1989, №7-10, 12.

^{xlvii} Дама Р. де. Записки // Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов. 1914. Кн. 18. С. 79, 83.

^{xlviii} Линь Ш.-Ж. де. Указ. соч. С. 514.

^{xlix} Там же.

¹ Статс-дама имп. Елизаветы Петровны, приставленная к Екатерине в качестве надзирательницы и слывшая при дворе "за самую злую и капризную женщину" (Записки. С. 86).

ⁱⁱ В искренности этих слов едва ли уместно сомневаться, особенно памятуя о той с чисто женской горечью выраженной тоске о невыполнимом без потери престола. Так, в письме к Бьельке она пишет: "...по истине я бы очень любила своего (мужа. - М.Р.), если бы представлялась к тому возможность и если бы он был так добр, что желал бы этого" (Сборник РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 164). Написано это в 1767 г.

ⁱⁱⁱ Здесь нельзя обойтись без ремарки. В одном из своих писем к Ф. Гримму более позднего времени (1784 г.) Екатерина II простодушно вопрошает: "Как же не любить тех кто нас любит? Если меня любят, то и я люблю" (Письма. С. 98).

ⁱⁱⁱⁱ Записки. С. 72, 713-715.

^{iv} Письма. С. 211.

^{lv} Там же. С. 200.

^{lvi} Там же. С. 210.

^{lvii} Грот Я.К. Указ. соч. С. 597.

^{lviii} Там же. С. 769.

^{lix} Там же. С. 768.

^{lx} Там же. С. 722.

^{lxi} Нельзя не заметить, что многие отмечаемые современниками черты характера Екатерины удивительным образом до точности совпадают с теми, что она сама выделяла у своей любимой воспитательницы "Бабет" Кардель: "она имела возвышенную от природы душу, развитый ум, превосходное сердце, она была терпелива, кротка, весела, справедлива, постоянна" (Записки. С. 2). Не случайно Екатерина II не раз говорила о том, что всем хорошим обязана именно Кардель.

^{lxii} Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 4. С. 476-477.

^{lxiii} Записки графа Сегюра... С. 318.

^{lxiv} Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XIII. М., 1994. С. 129.

^{lxv} Ключевский В.О. Указ. соч. С. 339.

^{lxvi} Письма. С. 37.

^{lxvii} Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 314.

^{lxviii} Там же.

^{lxix} Из сказанного вовсе не должен следовать вывод об идеальном или спекулятивном представлении Екатерины о народе как таковом. Ей же принадлежит следующее замечание: "Народ от природы безпокоен, неблагодарен и

полон доносчиков и людей, которые, под предлогом усердия, ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее..." (Записки. С. 658).

^{lxx} Цит. по: Сборник РИО. Т. 13. С. XXIII.

^{lxxi} Чиновников, не желавших никаких перемен, особенно среднего и низшего звена, и в России XVIII в. было настолько много, что на основе исследований И.Е. Андреевского и И.И. Дитятин можно уверенно говорить о том, что общество в целом не только не принимало никакого участия в государственных делах, но и не проявляло никаких признаков стремления к этому. Если в высших правительственных сферах отдельные образованные, развитые люди понимали важность и необходимость для развития государства начал гражданственности, то на местах чиновники по уровню образованности, компетентности стояли на очень низкой ступени, многие из них не в состоянии были понять и приспособиться к любой прогрессивной, ломающей прежний уклад жизни правительственной инициативе (см.: Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России. Т. 2. Городское самоуправление в России. Городское самоуправление до 1870 г. Ярославль, 1877).

^{lxxii} Грот Я.К. Указ. соч. С. 758.

^{lxxiii} Записки. С. 627, 629, 630, 631, 637, 686.

^{lxxiv} Письма. С. 108.

^{lxxv} Там же. С. 109.

^{lxxvi} Там же. С. 180.

^{lxxvii} Цит. по: Сборник РИО. Т. 13. С. XVII